

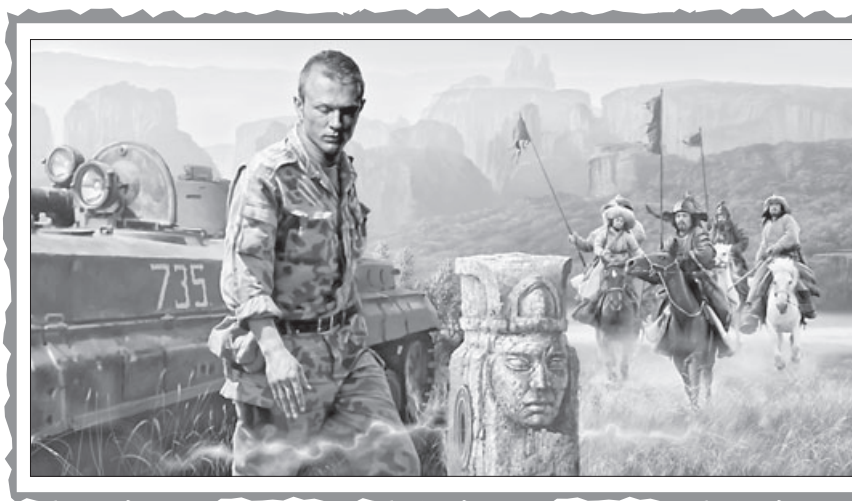
ИГОРЬ ЦЕДОВОР

Плацдарм

Москва, 2012

ИГОРЬ НЕДОЗОР

Трилогия
в одном
томе

- Плацдарм •
- Гарнизон •
- Контрудар •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Н42

Серия основана в 2005 году
Выпуск 130

Художник
В. Федоров

Недозор И.
Н42 Плацдарм: Плацдарм; Гарнизон; Контрудар/Послесл. Ю. Гаря — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 794 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1259-4

Эксперименты советских ученых привели к открытию пространственно-временного портала в мир, где правят магия и волшебство, существуют орденны чародеев, процветают могущественные империи. Части Советской армии с боями овладевают значительными территориями, но из-за закрытия портала вынуждены эвакуироваться, оставив на Аргуэрлайле несколько сотен бойцов. Брошенные предавшим их командованием, они не смирились и выжили, создав на чужой планете собственное государство, промышленность, науку и культуру. Неважно, что против них порождения злой магии, могущественные волшебники, претенденты на мировое господство и проснувшееся злое божество, готовое уничтожить оба мира. Ведь они — последний плацдарм СССР в иномирье.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1259-4

© Игорь Недозор, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

• Плацдарм •

ПРОЛОГ

Горная гряда в Таджикистане. 198... год

С высоты двухсот с лишним метров дно котлована казалось зеркалом, отлитым из холодного серебра. Стоявшая высоко в зените осенняя азиатская луна и в самом деле, как пишут в романах, придавала всему, на что изливала свои холодные лучи, оттенок нереальности.

«Ну вот, опять лезут эти *книжные* мысли».

Впрочем, чувство это было неудивительным, если учесть то, чем они сейчас занимаются. Что должно совсем скоро произойти тут.

Генерал-лейтенант Антон Карлович Мезенцев вздохнул.

Такое же пресловутое чувство нереальности окружающего он ощутил, когда впервые, а было это полгода назад, ознакомился с документами по проекту.

То, чем ему предстояло заниматься, выглядело настолько диким и нелепым, что только присутствие *посторонних* (а именно таковыми он считал всех околачивавшихся на полигоне штатских) удержало генерала от того, чтобы высказаться в соответствующих выражениях. Это, да еще осознание того, что люди, чьи подписи стояли на бумагах, которые запрещалось даже выносить из кабинета, не стали бы заниматься... *ахинеей*.

Впрочем, завтра... нет, уже сегодня утром, он лично убедится в правоте или неправоте заваривших кашу ученых.

Генерал с некоторым неудовольствием (признаться, неожиданным) посмотрел на стоявшего неподалеку Байдакова.

У всех шишек дети как дети — шалопаи и карьеристы с прокисшими мозгами, а этот нате вам — великий физик! Другим детишкам папаши покупают за кордоном дорогие игрушки — видаки, гарнитуры, «мерседесы». Этому же родитель обеспечил игрушку супердорогую. Да что там говорить — даже какой-нибудь Рокфеллер не смог бы за все свои миллиарды дать сынку возможность развлекаться с *такими* штуками.

Да, вот чья судьба уж точно решится в это утро.

Если не заладится, то ему, генерал-лейтенанту Мезенцеву, не гро-

зит ничего, кроме нового назначения. А вот профессора не возьмут даже физику в школе преподавать. Да и батьке его тоже будет кисло.

Антон Карлович еще раз взглянул вниз, в провал.

Стены, образывавшие не круг, как могло показаться издали, но что-то вроде половинки многогранника, закопанного в землю, сверкали белизной фарфоровой облицовки. Первоначально вообще собирались использовать на это дело сталь, отполированную до зеркального блеска, но пришлось отказаться от этой мысли — металл испарился бы прежде чем следовало.

Облицовка далась им труднее всего. Они еле-еле соблюли сроки, спущенные сверху. Последний раз задержка произошла неделю назад — одна из плит вдруг отвалилась и рухнула с высоты в полсотни метров, по дороге разбив и испортив еще чуть ли не дюжину таких же. Но теперь все вроде позади.

В геометрическом центре котловины, на привязных аэростатах покачивался ослепительно-белый в лунных лучах неправильный шар диаметром пятьдесят метров. Хрупкое сооружение, собранное из фарфоровых лепестков длиной два метра каждый.

Эта сфера, проходящая по документам как *изделие «Одуванчик»*, должна будет сфокусировать электромагнитные, рентгеновские и прочие излучения, возникшие при взрыве. Пусть лишь на краткие доли секунды, пока ударная волна не разнесет керамику в пыль, но этих долей секунды должно хватить. Потом в дело вступят купол и стены провала, но первый импульс должна дать именно эта белоснежная громадина.

Пару раз в эти недели Мезенцева преследовал кошмарный сон — в момент, когда уже все готово, налетает внезапный ураган, смерч срывает «Одуванчик» с якорей и изо всех сил бьет о дно...

Три инженерных батальона, один военно-строительный отряд, специализирующийся на сооружении дорог в горных условиях, пять разведбатов, собранных от Дальнего Востока до ГСВГ¹. Один артиллерийский полк. Незнамо зачем пригнанные ЗПУ-23. Это старье выкопали вообще неизвестно где. По воронам стрелять, что ли, собрались?

Все это лишь передовой отряд. В тысяче километров к югу, под Алма-Атой, стоит целая железнодорожная дивизия со всей своей строительной техникой — она прибыла туда якобы на учения.

Еще в десятке дивизий сейчас проводились как бы учения. Люди были готовы погрузиться в эшелоны и грузовики и отправиться на юг. На *маневры*.

Если все пройдет, как запланировано...

Стоп, началось!

¹ ГСВГ — Группа Советских войск в Германии. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Над каменным цирком медленно поднялся, ослепительно сияя на солнце, огромный купол.

Наклеенная на крупноячеистую сеть алюминиевая фольга и станиоль, подвешенные к десятку аэростатов, пролежавших где-то на складах с самой той войны. Тоже должно дать свой эффект — пусть и на ничтожную долю мига.

Беззвучно вспыхнул и растаял серебряный купол, и уже ничто не мешало свету. Слепящему, жгучему, яростному и вместе с тем какому-то *мертвому*.

Ровно шесть секунд происходит реакция. Ровно шесть секунд длилась вспышка.

А когда она погасла, реле замкнули контакты, и электроток вошел в сотни детонаторов, разбросанных в толще почти тысячи тонн старых боеприпасов, замурованных в обступивших цирк штольнях и шурфах. Синхронизированные взрывы раскололи казавшуюся монолитной скалу и обрушили еще исходящие жаром каменные глыбы вниз, на дно провала...

Москва. Старая площадь.

За год с небольшим до вышеописанного

Сергей Сергеевич Байдаков, доктор наук, профессор, заведующий отделением перспективных проблем физики филиала МИФИ, нервничал.

И было отчего, именно сейчас решалось дело его жизни. То, чему он посвятил три последних года и почти пятнадцать лет до этого.

Перед ним сидели три человека — довольно-таки немолодые и не слишком похожие на свои портреты, которые висят почти в каждом учреждении. Двое в строгих темных костюмах, один — в мундире с маршальскими звездами. Три члена высшего руководства страны, которые должны будут определить — дать добро на проект «Порог» или нет.

— Время не абсолютно, а относительно. В геометрии Лобачевского и Римана, в отличие от той, что изучают в школе, две параллельные прямые пересекаются и через две точки можно провести сколько угодно прямых. По одной из гипотез, время имеет три координаты — протяженность, кривизну и плоскость иного времени. Именно при помощи этой координаты мы и рассчитываем осуществить задуманное. Как известно, в современной кристаллографии оперируют теорией одиннадцатимерной вселенной. В своих работах наша группа исходила из того, что...

Он старался говорить как привык на ученых советах. Плавно, неторопливо, уверенно, твердо, а главное — непрерывно. Насыщать речь научными терминами, но в меру, чтобы у слушателей не возникло впечатления, что их водят за нос или того хуже — издеваются.

— Скажите... — перебил его один из присутствующих. — Я вот хочу спросить... В смысле, как бы это сказать... Короче, если мы попадем в прошлое, это не изменит наш с вами мир? Не случится ли чего нехорошего с нами, с нашим временем?

— Ничего подобного просто не может случиться, — поспешил успокоить его Байдаков. — В противном случае нарушился бы закон причинной связи, что невозможно. Просто возникнет еще один мир, похожий в мельчайших деталях на наше прошлое. А путешествие в свое прошлое — это плохая фантастика.

— Вот так просто — возникнет? — В голосе ответственного за науку слышалось явное недоверие.

— Так точно! — по-военному отрапортовал Сергей Сергеевич. — И это легко объяснить. В научном мире существуют две гипотезы. Первая — это гипотеза Эверетта, заключающаяся в квантовании континуума в ходе хронологического развития...

(Вообще-то Байдаков мог бы рассказать, как именно он дошел до этого факта, если бы присутствующие хоть немного разбирались в квантовой физике.)

— Иными словами, число Вселенных конечно, но стремится к бесконечности...

— Позвольте, вы вот говорите, что перемещения в собственное прошлое невозможны? — спросил вдруг министр обороны.

— Именно так, ибо это противоречит закону причинности, — с готовностью кивнул ученый.

— Но как тогда вы объясните эти... мм... *события* в нашем прошлом?

«Что значит старое инженерное образование — не упустил!» — подумал Байдаков про себя.

— Тут есть два объяснения. Первое, которое я не разделяю, состоит в том, что есть некий нижний предел, когда трансхронологическое воздействие не вызывает расщепления реальности, а все же как-то проявляется. И второе, полностью укладывающееся в мою гипотезу...

— И какое же?

— Видите ли, Дмитрий Федорович, это были... скажем так, не *наши* взрывы...

Горная гряда в Таджикистане. 198... год

...Сергей Байдаков нервно похлопал по кожаной офицерской планшетке, в которой лежали старые школьные тетради — его талисман на счастье.

Когда-то, два с лишним десятка лет назад, все началось с одной из них.

Вырезки из газет и журналов, фотоснимки и ксерокопии, заметки

на многих языках, с датами и названиями местностей. Официальные бумаги с лаконичными печатями «ДСП». Он помнил все чуть ли не наизусть.

Именно эти тетрадки стали вратами к его недалекому, хочется верить, триумфу.

К цели пришлось идти круглым путем, не открывая никому, даже ближайшим сотрудникам своей лаборатории, подлинных задач работы.

Сначала, как водится, пришлось пробивать тему в верхах.

Конечно, любой бы поднял его на смех, предложи он искать способ пройти границу между мирами. Но зато слова о повышении мощности ядерных боеприпасов подействовали на всех прямо-таки магически.

Затем появилась новая тема внутри старой. Сугубо научная, строго вписывающаяся в существующую картину мира: «Субквантовые эффекты в физическом вакууме и пространстве при выделении энергий большой мощности в малом объеме».

Долгие расчеты. Замеры при ядерных испытаниях. Сверхсложные приборы, собранные институтскими слесарями и наладчиками буквально на коленке — ведь тех агрегатов, что были ему нужны, не было нигде в мире.

Первые осторожные намеки немногим из сотрудников.

Разосланные в солидные академические институты результаты поисков, как бы на рецензию, и положительные ответы.

Разговор с отцом, к которому он готовился два месяца.

И наконец тот самый доклад, к провалу которого он себя заранее готовил, но который был поддержан и утвержден. Старый маршал выдержал, долгих лет ему и крепкого здоровья.

И вот скоро все решится. Главные полигонные испытания по проекту «Порог» завершатся ровно в 12.00 по местному времени. Уже через пять минут...

На экранах дисплеев на схематичной многоцветной картинке (цвета были нарочито резкие и грубоватые) появилось темное пятно весьма правильной овальной формы. Оно слегка пульсировало.

— Поздравляю, товарищи...— вдруг севшим голосом произнес академик Кара-Мурзаев.

Мезенцев недовольно зыркнул на историка. Вечно эти гражданские торопятся. Штафирка!

Через две минуты из-за гряды холмов километрах в пяти от дымящегося провала показался черный силуэт, оставляющий за собой дымно-огненный хвост.

Приземлившись и пропахав брюхом песок, самолет-разведчик за-

мер. Затем в носовой части — там, где у обычного самолета положено быть кабине, раскрылся лючок, и что-то с хлопком вылетело оттуда.

Капсула с камерой для аэрофотосъемки.

«Только бы получилось!»

Сжав кулаки на счастье, Байдаков с тревогой наблюдал за тем, как офицер в специальном противорадиационном комбинезоне извлекает из капсулы камеру.

«Только бы получилось, Господи!»

— И что это означает, по-вашему? — угрюмо набылчился генерал-лейтенант.

На свежеотпечатанных снимках было такое же плоскогорье, как и то, откуда стартовал разведчик.

Такое же, да не то же самое.

Там, как и за их окнами, возвышалась цепочка Памирских отрогов, хотя кое-какие различия в силуэтах были видны даже невооруженным глазом. Но вот за ними в небо поднималась стена исполинского горного хребта, даже на этих не слишком хороших поражавшего своей мощью и высотой.

Метрах в пятистах (специальная техника услужливо изобразила координатные линейки на полях фото) плато резко обрывалось уступом вниз.

И там возвышались стены и башни какого-то не очень большого, хотя и не маленького, города.

— М-да,— тяжело вздохнул Кара-Мурзаев.— Похоже, тамошним аборигенам мы здорово напакостили. Сколько должно было уйти на ту сторону, вы говорили? Тридцать процентов продуктов реакции?

Он постучал пальцем по одной из фотографий, на которой был запечатлен городской квартал, явно подвергшийся ядерной бомбардировке.

— Стало быть, пробили дырку в наше прошлое? — желчно спросил генерал у Байдакова.— И где же, позвольте спросить, вы здесь такое видели? На Душанбе вроде не похоже. Даже на Самарканд с Бухарой не тянет.

— Может быть, это более давнее время,— неуверенно предположил, защищая физика, Кара-Мурзаев.— Скажем, эпоха Ахеменидов¹ или даже еще раньше...

— Ага, Атлантиды с Лемурией! Но тогда скажите, товарищи ученые, вот те горы куда провалились? — едко осведомился Мезенцев, махнув рукой в сторону Гиссарского хребта.— Или, может, их мышцы с тушканчиками изгрызли?!

¹ Ахемениды — династия царей древнеперсидской державы, правившая в 558—330 гг. до н.э. Эта династия вела знаменитые Греко-персидские войны (500—449 гг. до н.э.). Держава Ахеменидов была уничтожена Александром Македонским.

(Не следует думать, что генерал КГБ был столь образованным в оккультных материях человеком — об Атлантиде и Лемурии он имел самое смутное представление и был вообще-то убежден, что Лемурия — это выдуманная американцами страна разумных лемууров.)

Ученые переглянулись. Ответить генералу было нечего.

Да, это была явно не Средняя Азия конца XIX века, куда, как планировалось проектом «Порог», они должны были пробить межвременной канал.

Заранее сотрудниками КГБ была отобрана группа из четырех сотен московских и ленинградских специалистов по истории Российской империи второй половины века. Уже были заготовлены командировочные предписания, подготовлены убедительные легенды и после успешного пробоя канала в прошлое по месту работы каждого должен был быть отправлен срочный вызов. Максимум через сутки все они были бы доставлены на объект. И лишь после этого их ввели бы в курс дела.

Одновременно из Ташкента и Душанбе должна была вылететь вторая группа знатоков, на этот раз уже местной истории, в составе четырех с лишним десятков человек.

И вот теперь все оказалось напрасным.

Фотоснимки зафиксировали такое, что, мягко говоря, не вписывалось в историю местной цивилизации.

Почти правильное кольцо стен, опоясывавшее поселение.

Караван-сарай (!!) и постоянные дворы (!!) у ворот.

Девять башен, и отдаленно не напоминавших привычные мусульманские минареты. Три «предположительно храма» с колоннами и куполами.

Несколько явно выделяющихся кварталов с домами, не похожими на глинобитные мазанки среднеазиатских дехкан дореволюционного периода.

Двухэтажный дом в форме подковы — резиденция местной власти, а может, дворец правителя. Еще один похожий дворец, только раза два меньше.

Это был совсем другой мир, и что с этим делать, ни Байдаков, ни Кара-Мурзаев пока не представляли.

Оставалось ждать данных войсковой разведки.

ИЗ ТЕТРАДЕЙ СЕРГЕЯ БАЙДАКОВА

Испанец Антонио де ля Рош сообщил, что в 1675 году на 45° южной широты ему встретился «очень большой и приятный остров с гаванью на восточной стороне». Он назвал его остров Гранд.

В 1670 году капитан Линдерманн обнаружил в Южной Атлантике на широте Северной Бразилии остров с высоким пиком, «похожим на колдовской колпак», и назвал его Саксемберг.

В следующий раз его видели в 1804 году. С американского брига «Фанни» остров наблюдали в течение четырех часов.

Следующим его увидел в 1816 году британец Хэд.

1800 год — капитан китобоя Свейн в районе Огненной Земли замечает высокий остров, покрытый снегом, со множеством морских птиц и тюленей. Он точно указал его местонахождение и координаты, о чем есть запись в судовом журнале.

Вторично остров наблюдался в 1841 году капитаном английского китобоя Дауэрти. По его словам, длина — пять-шесть миль, с низинами и скалами.

В следующий раз остров был обнаружен судном «Луиза» в 1860 и в 1886 годах китобоем «Сингалайз». Остров был зафиксирован на официальных картах, включая карты британского Адмиралтейства.

Как иронически отметил Сергей в комментарии на полях: «Данные о его наличии весьма убедительны, но тем не менее остров отсутствует».

Англия. Некий Питер Уильямс во время грозы попал в непонятное место. После близкого удара молнии он на некоторое время отключился, а придя в себя, понял, что заблудился. Пройдя по узкой длинной дороге в каком-то незнакомом саду, он наконец остановил автомобиль и попросил помощи. Водитель доставил раненого в больницу, где Уильямс отлежался два дня и лишь затем смог встать с кровати, чтобы прогуляться на воздухе. Его собственные штаны оказались порванными и обгорели, и сосед по палате одолжил ему свои, новые коричневые вельветовые брюки. Питер вышел погулять в больничный двор и вдруг оказался в том саду, где его застала недавняя гроза. Как добропорядочный британский джентльмен Уильямс решил вернуть брюки и поблагодарить медперсонал. Знакомую больницу он отыскал без труда, но оказалось, что хотя в больнице те же самые врачи и медсестры, которые его лечили, но выглядели эти люди намного старше. Записей в регистрационной книге о приеме Уильямса не оказалось, сердобольного соседа по палате — тоже. Ни о каких пропавших брюках никто также не вспомнил, когда же Питер показал их, в ответ услышал, что подобная одежда давно вышла из моды и не выпускается серийно. Уильямс не успокоился и побывал на лондонской фабрике, где, как он узнал по этикетке, пошили брюки. Там он выяснил, что совершенно новые брюки не выпускались уже более двадцати лет!

А это уже не газета — это из архивов, допуск в которые он получил не без труда, даже несмотря на помощь отца.

В июле 1941 года под Оршей во время разведки боем рядового Терехова оглушило взрывом мины. Пришел в себя он уже в немецком

блиндаже. Увидев вражеского пулеметчика, солдат сразу на него набросился. Озлобленные поступком пленного, немцы решили его расстрелять. Когда рядового Терехова повели к ближайшему лесу, неожиданно небо озарилось ослепительным светом — и раздался пронзительный свист... Открыв глаза, советский боец обнаружил, что лежит на зеленой траве среди деревьев, а рядом без сознания — его конвоиры. Он быстро собрал их автоматы, растолкал и, приказав поднять руки вверх, повел немцев в том направлении, где предположительно находилась его часть. Вскоре, к изумлению Терехова, лес кончился, а на дороге он увидел приближающуюся телегу, в которой сидели старик и девочка... Девочка сообщила, что он вместе с пленными немцами находится на Дальнем Востоке, а на дворе — лето 1948 года...

МВД, подозревая какую-то провокацию, довольно долго мурьжило несчастного солдата, в течение нескольких месяцев тщательно изучив его показания и опросив его бывших сослуживцев, но установили только, что рядовой пропал без вести под Оршей. Во Владивосток были вызваны несколько бойцов из части, в которой служил Терехов. Они опознали своего сослуживца и с удивлением отметили, что за семь прошедших лет он не изменился и выглядел будто «заспиртованный». Неутомимые чекисты в одном из лагерей для военнопленных на Волге разыскали командира роты, в которой в 1942 году служили плененные Тереховым солдаты. Он подтвердил их показания.

27 июля 1724 года рядом с городом Гаммельн (Германия) изловили мальчика приблизительно 12-летнего возраста. Позже мальчик получил имя Дикий Петер. Он не говорил, хлеб не ел, питался только травой и овощами, сосал зеленые стебли. Слухи о «диком ребенке» достигли английского короля Георга I, бывшего также брауншвейгским курфюрстом, и в феврале 1726 года за мальчиком послали гонца. Достаточно быстро Петер сделался придворным фаворитом, но так и не научился говорить членораздельно...

Впоследствии немецкие натуралисты и ученые изучили все документы, относящиеся к этому случаю, и отметили прежние версии о том, что Петера воспитывали в зверином обществе. Они пришли к выводу, что незадолго до поимки Дикий Петер жил среди людей (поскольку шея его была повязана лоскутом, а нижняя часть тела бледнее верхней, по-видимому, он некоторое время носил бриджи)... Но откуда он попал в Германию XVIII века?

Испания. В августе 1887 года из пещеры, недалеко от Баньи вышли двое детей с зеленоватой кожей, восточного типа глазами, в одежде, сшитой из непонятного материала. Мальчик вскоре умер, а девочка выжила, выучила испанский язык и позже рассказала, что

они прибыли из «страны, где не бывает солнца», но однажды невидимый ураган подхватил их и перенес в эту пещеру.

В мае 1875 года группа студентов городка Виксберг решила устроить пикник. Но их уединение вскоре нарушили полные ужаса крики, идущие со стороны реки. Кричала, по-видимому, женщина. Но в том-то и дело, что никто над водой не появлялся! Один из студентов утверждал, что кричат по-французски. Позже крики стихли. Полиция тщательно прочесала участок реки, но ничего не обнаружила. Однако через две недели вопли ужаса снова разнеслись над рекой. На этот раз люди вытащили из воды весьма изысканно одетую темнокожую женщину. Оказавшийся здесь виксбергский лоцман заявил, что это креолка с парохода «Айрон Хилл». Этот пароходик отправился из Виксберга в Новый Орлеан в 1874 году. С тех пор как он скрылся за излучиной реки, его никто не видел. К причалу корабль так и не пришел. Берега и речное дно подробно обследовали, но не обнаружили ни одного тела, ни одного обломка. А в списке пассажиров значилось несколько креолок.

1898 год, Тульская губерния. Земский учитель, мучимый зубной болью, решил обратиться к знахарю из соседнего села. Знахарь, несмотря на сомнительную репутацию чернокнижника, с сочувствием отнесся к беде скромного служителя народного образования и за небольшую плату вручил визитеру пару мешочков с сушеной травой и банку жидкого снадобья. Учитель, довольный, отправился домой и уже на окраине своего села повстречался с соседом и рассказал, у кого был. Сосед-мужик перекрестился: «Это вы на кладбище к нему ходили, что ли, поминали?» Учитель остолбенел: «Как — на кладбище? Я у него дома был». Мужик, уже со страхом, молвил: «Да ведь он помер неделю назад! Аккурат я тогда дрова вез, его на погост несли...» Учитель, не поверив мужику, повернул обратно, но, подойдя к уже знакомому дому, где он был всего пару часов назад, застал его заколоченным и явно нежилым с виду. О том, что знахаря уже нет в живых, ему рассказали и другие соседи, и учитель уже был готов поверить в то, что ему все привиделось, но вот как быть с подарками знахаря — мешочками и банкой?

Из письма Абу Али ибн Сины, знаменитого Авиценны, к другой восточной знаменитости — Бируни:

Возможно, что существует множество других обитаемых миров над этим миром... Возможное же в применении к вещам вечным становится обязательным. Поэтому существование множества миров помимо нашего становится обязательным.

Но восточные мудрецы и не на это были горазды. Сергей удивился до глубины души, узнав, что средневековые схоласты — те самые, которых в институтском курсе философии осмеивали как дурачков, споривших о том, сколько чертей поместится на кончике иглы, — спорили также и о множественности миров, причем не об обитаемых планетах в космосе, а именно о других вселенных.

1934 год. Англичанин Виктор Гуддард на своем истребителе попал над Шотландией в жестокий шторм и потерял ориентацию. Внезапно впереди в облаках увидел разрыв. Гуддард рассмотрел внизу на земле только ярко освещенный, словно солнцем, аэродром, странного вида ангары и окрашенные в желтый цвет самолеты. Ничего подобного в Шотландии, как он достоверно знал, не было. Спустя четыре года Гуддард попал на этот аэродром и увидел окрашенные в желтое самолеты — как раз тогда их начали так красить.

Случай этот Гуддард привел в своих мемуарах, уже будучи маршалом Британских королевских ВВС...

Часть первая ОГОНЬ, ПРОКЛАДЫВАЮЩИЙ ПУТЬ

Не боги запускают ракеты,
Не боги побеждают врагов,
Не боги утверждают диеты —
Мы кое в чем сильнее богов.

Группа «Мифы»

Покинутый город

Цепочка людей в форме песочного цвета, напряженно поводя из стороны в сторону стволами автоматов, шла по городу — первому городу чужого мира.

Шаги гулко разносились по мертвым улицам. Эхо отражалось от глиняных дувалов, которые были раза в полтора выше, чем знакомые по Средней Азии.

Они шли молча, вслушиваясь в тишину, нарушаемую лишь свистом ветра и их шагами. Иногда что-то негромко шуршало за старыми стенами, и люди синхронно вздрагивали, беря на изготовку оружие. Но, похоже, в городе больше никого не было. Может быть, даже сейчас во всем этом мире (кто знает?) не было ни одного человека, кроме них да еще двух разведгрупп, что осматривали ближайшие окрестности городка.

Выйдя на небольшую площадь, они оказались перед сооружением, помеченным на плане как «храм». Храм этот, правда, ничем не напоминал мечеть или минарет, точно так же как и церковь, костел или иную базилику. Но Капустин почему-то назвал его храмом — и, похоже, не ошибся. Три коротких и толстых приземистых башни, выроставших из круглого здания с конической невысокой крышей. Ни окна, ни вентиляционных проемов — глухие стены и выглядящие особенно маленькими ворота. И две статуи крылатых леопардов (или еще каких-то «кошек») по обе стороны от этих ворот. Преодолевая непонятную робость, временами переходящую в страх (испытали ее, надо сказать, почти все, включая и командира спецназовцев), разведчики проникли внутрь, но ничего особенного не заметили.

Разве что старший группы обратил внимание, что между двумя большими алтарями из песчаника виднелся след еще одного — поменьше, когда-то замурованного в пол, но потом тщательно извлеченного.

Следов пожаров, уличных боев, штурма и вообще военных действий обнаружить не удалось. Было похоже, что город оставили организованно и без особой спешки.

— Продолжить разведку! — приказал командир отряда майор Капустин.

При выборочном осмотре домов не нашли ничего существенного. Битые горшки и амфоры (размерами от «мерзавчика» до человеческого роста) с простеньким орнаментом, обломки деревянной мебели, какое-то бесформенное тряпье.

В куче строительного мусора случайно откопали сплюснутый медный кувшин с ручками в виде бараньих голов, а на чердаке кузницы — завернутые в истлевшую кожу два кинжала без рукояток (не иначе спрятанные вороватым подмастерьем).

То ли жители унесли с собой все, что представляло хоть какую-то ценность, то ли позже безымянный город тщательно обшарили любители пожить чужим добром, а скорее и то и другое.

К полному разочарованию прикомандированного к отряду археолога, не было найдено надписей — ни на русском, ни на арабском, ни на древнехорезмийском. Впрочем, как и на любом другом языке.

Зато были обнаружены целых две тюрьмы. Первая в подвале одной из башен, другая на окраине города — обнесенная валом площадка, где было вырыто несколько глубоких широких ям, прикрытых сверху разошедшимися деревянными решетками и обложенных изнутри валунами.

Неприятные предчувствия не оставляли майора Капустина. Подобно тому как не бывает полностью бесшумных засад (если верить классикам), не бывает и полностью безлюдных пустынь. Где-то есть охотники, где-то — оазисы с земледельцами, где-то — караванчики и караван-сарай. Тут же, насколько они успели осмотреть окрестности, признаков человеческого обитания не имелось.

Вернее, признаки-то имелись — пара разрушенных «кишлаков», заброшенные каналы, межевые камни на бывших полях, заросших редкой, чахлой колочкой. Причем кишлаки не были, насколько можно понять, разрушены войной или иным бедствием. Глинобитные стены носили лишь следы времени.

И нигде *ни одного скелета*.

Кстати, археолог пожаловался, что и кладбищ у кишлаков вроде тоже не наблюдается — как и в городе. Черт, съедали они своих мертвецов, что ли?

Придет же такое в голову...

Захрипела, забулькала рация.

— Первый слушает! — встрепенулся майор.

— Это лейтенант Борисов! — донеслось из динамика. — Мы нашли местного жителя!

— О черт! То есть я хочу сказать, отлично... Тащите его сюда живой.

— Не получится, — последовал ответ. — Он... нетранспортабельный. Лучше подойдите посмотрите...

Скелет лежал тут, среди валунов и осыпи щебня, довольно давно — год или два.

Представители местной фауны давно очистили его, что называется, добела.

Несколько ключев истлевшей ткани — все, что осталось от одежды, — давали понять, что при жизни покойник был облачен в шаровары и халат.

Еще уцелели сапоги, широкий кожаный пояс с зеленой медной пряжкой, на котором болтался деревянный футляр с несколькими стрелами. Вокруг костяного запястья темнел серебряный браслет в виде змейки. Рядом валялся тронутый ржавчиной кривой клинок.

Белые зубы, скалившиеся на черепе, давали понять, что умерший был еще молод, а потемневшее древко стрелы, торчавшее меж ребер, — что умер он не своей смертью.

— Должно быть, он заполз сюда. И только после этого умер. Может быть, даже шел довольно долго, — прокомментировал Борисов.

— Почему вы так решили? — поинтересовался майор.

— Если бы его убили тут, то забрали бы оружие и сапоги, — пояснил лейтенант. — Эти вещи дорого стоили в те времена.

— Возможно, — вздохнул Капустин. — Но как бы узнать поточнее время его гибели? И примерный регион проживания. Придется искать экспертов...

— Пойдите! — вдруг встрепенулся Борисов. — А зачем нам эксперты? Давайте поищем какого-нибудь солдата из местных, который на сапожника учился или там еще что.

И тут же звонко хлопнул себя рукой по лбу:

— Есть такой, елки-палки! Сержант Байсаров из второго отделения...

Мирза Байсаров так и этак повертел сапог, осмотрел его внимательно, только что не понюхал.

— Ну что сказать, товарищ командир, хорошая работа, — выдал он наконец свое заключение. — Хороший мастер шил, однако. Теперь так не шьют.

— А еще что можете сказать, товарищ сержант? Ну там фасон, материал...

— Хороший материал, товарищ командир, дратва какой толщины, вы поглядите! У, да еще и на деревянных гвоздях! — восхитился парень. — А вот еще, смотрите, подошва подшита кожей похуже. Как она

сотрется, новую подошьют. А вот это, — указал он на канавку, — наверно, от стремян. У нашего соседа, он лесником был, точно такие же полски были.

— А где похожие сапоги могут шить — не в курсе?

— Не знаю, — помотал головой таджик. — На наши непохожи. Носы квадратные и подъем гармошкой. Нет...

Подпустил тумана и спец по прошлому.

— Выковано самым простым способом — сначала пруток согнули в холодном виде, а потом уже разогрели и расковали — горячая вытяжка с изгибом появилась относительно недавно. Так ковали сабли в Тюркском каганате и у гуннов, — уточнил археолог. — Ну что еще по материалу... Клинок из рудного железа, не из болотного — почти не заржавел. Сталь по тем временам, — он не уточнил, каким именно, — довольно хорошая. Оружие воина-профессионала. Но вот форма клинка, честно говоря, не вполне характерна. С одной стороны, явно похоже на ятаган или, скорее, на скимитар¹. Вот посмотрите: изгиб несколько больше сабельного, а внизу клинка утолщение, позволяющее усиливать удар. Видите, эти две приваренные сбоку пластины. И заточка с обеих сторон — не как на саблях. С другой стороны, для классического ятагана он слишком узок. И изгиб одинарный — опять-таки скорее как на скимитаре.

Ученый пожал плечами.

— Честно говоря, не могу подобрать аналогов, кроме, может, китайских мечей ци. Кроме того — рукоять. Совершенно нехарактерна для данного региона. Скорее напоминает эфес самурайского меча. А орнамент так вообще ставит меня в тупик: эти узоры явно смахивают на что-то из доколумбовой Америки.

— Ладно, ятаган так ятаган, — неопределенно хмыкнул Капустин. — Может, турки проезжали мимо, да и потеряли.

«Может, турки, а может, и орки...» — непонятно почему, археолог вспомнил детскую книжку, года три назад купленную им в Ленинграде, куда он ездил на очередную конференцию. Книжку эту очень полюбили его сын и дочка, и рассказывалось в ней про приключения смешных карликов, живущих в каком-то Средиземье.

— А что вы скажете на это? — Майор указал на стрелы.

— Тут все проще.

Историк нервно усмехнулся, прогоняя посторонние мысли.

— Наконечники — почти точная копия массагетских третьего века до нашей эры. Литая оружейная бронза. Только вот сделаны явно недавно.

Судя по выражению лица ученого, он бы, несомненно, предпочел,

¹ С к и м и т а р, или ятаган (араб. «изогнутый, как коготь тигра») — разновидность слегка изогнутой арабской сабли с односторонней заточкой по выгнутой стороне.

чтобы наконецники, которыми был убит неизвестный воин, были извлечены из раскопанного грабителями кургана.

Капустин озадаченно почесал темя:

— Вот задачка. Представляю, что скажет *генерал*...

— Ну что ж... — констатировал Мезенцев, осмотрев город и находки. — По крайней мере, теперь отпала проблема, где будет стоять гарнизон. Ты, Капустин, назначаешься военным комендантом.

— Товарищ генерал! — взвился майор. — Да какой из меня комендант?! Я же разведчик!

— Разговорчики в строю! — рявкнуло начальство. — Ладно, давайте обустроивайтесь, готовьтесь принимать грузы, гостей. А я на ту сторону. Мне еще объясняться с Москвой, рассказывать... про параллельный мир. Даже не знаю, как отреагирует Юрий Владимирович.

При упоминании имени грозного генсека люди, собравшиеся во «дворце» на военный совет, притихли. Товарищ Андропов не любил *неожиданностей*. Все должно делаться и идти в соответствии с линией партии.

— Кстати, — спохватился генерал-лейтенант, — этот ваш город надо как-то назвать.

— Давайте — Новая Москва, — предложил Капустин.

— Новая Москва? — нахмурился Антон Карлович. — Ты еще скажи — Новые Васюки.

Недавно генерал прочел знаменитый роман Ильфа и Петрова и теперь при всяком удобном случае не упускал возможности щегольнуть эрудицией.

— А почему не Новый Краснодар?

— А при чем тут Краснодар?

— Так я из Краснодара!

— А при чем тут ты? Можно подумать, ты его открыл!

— Может, Андропов? — решил прогнаться перед начальством Борисов.

— Нет, — покачал головой Мезенцев. — Нельзя. Так называют только после смерти вождей.

Все тут же вспомнили недавнее переименование Набережных Челнов в Брежнев.

— Предлагаю — Октябрьск, — веско припечатал генерал. — Просто и со вкусом.

— Так ведь до праздников вроде еще далеко... — заикнулся археолог.

— Зато сейчас ведь у нас *там*, — кивнул куда-то в сторону Антон Карлович, — октябрь месяц.

Октябрьск так Октябрьск. Не лучше других названий, но и не хуже.

Проводив генерала, майор Капустин пошел осмотреть ветряк, который уже скоро будет готов дать ток.

Электрики разматывали провода, подвешивая их на вбитые в мажорные, потрескавшиеся стены гвозди, вполголоса матеря неудобные стремянки и зло дергая запутавшиеся бухты.

— Поосторожней там, — бросил, проходя мимо, Капустин. — Отгорит конец — сами же будете потом чинить.

Державший лестницу лопухий боец захихикал.

— Чего ржешь? — осведомился воюющий с непослушным щитком другой воин, стоявший на этой лестнице.

— Как это он сказал, ха-ха?! Отгорит конец!

— Балда, это не про то, что ты подумал. Это у электриков так говорят, когда при замыкании провод перегорает — отгорел конец.

— А у нас в Кинешме было дело — алкаш один залез в трансформаторную будку поссать. Ну и у него тоже отгорел конец, — и солдатик вновь захихикал, — с концами.

Майор улыбнулся грубой солдатской шутке. Пусть себе балагурят. Значит, психологический климат во вверенном ему подразделении в норме.

Итак, с электричеством особых проблем не предвидится.

Но вот с вещами вроде водопровода и канализации он не знал, что и делать. Черт бы побрал этого генерала с новым назначением!

Предположим, для солдат можно выкопать сортиры, а умываться они будут из колодца. Но вряд ли это понравится офицерам, особенно старшим (одних полковников набралось уже с десятков). Да и гражданские специалисты и всякое штатское начальство... Оно, как показывал его опыт, куда скандальнее военного...

Кстати, а куда местные жители свое дерьмо девали? Может, тут осталась какая-нибудь древняя канализация? Майор обвел взглядом ветхие дувалы.

Да нет, вряд ли тут имело место что-то такое — махровое Средневековье с восточным уклоном.

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

Перед ним стоял невысокий, худощавый солдат с лычками ефрейтора.

Артем Серегин, командир отделения каменщиков, отличник боевой и политической, и к тому же выпускник строительного техникума. В общем, ценный кадр в их непростых условиях.

— Обращайтесь, — позволил комендант.

Несколько секунд ефрейтор молчал, и на лице его появилось даже выражение легкой растерянности (впрочем, нет, наверняка это показало Капустину, не тот парень).

— Товарищ майор, — наконец начал Серегин, — я вот подумал: это

же вроде как крепость была? Ну вот, а я где-то читал, что в крепостях всегда были подземные ходы...

— И что? — с легким раздражением бросил Капустин. — Ну допустим, были, нам что с того?

— Так ведь... — быстро ответил боец. — Ведь о нем может знать и... Ну тот, кому не надо. Пролезет еще за стены...

Комендант задумался. Солдат не так уж и неправ. Черт его знает, что тут за местное население и чего от него можно ожидать? Конечно, это похоже на паранойю, но... Лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть.

— Ладно, — принял решение. — Закончите здесь работу, возьмешь двух или трех солдат и поищите.

Ефрейтор как в воду глядел.

— Молодец, Серегин, — похлопал его по плечу комендант, рассматривая лаз, обнаруженный в подвале одного из неприметных на первый взгляд сооружений. — Ну у тебя и нюх. Разведчик от Бога. Моя школа. Объявляю благодарность!

— Служу Советскому Союзу! — рявкнул боец.

— Вызови ребят из комендантского взвода, — велел майор Борисову. — Пусть пройдут эту кишку насквозь, выяснят, куда она идет. Поставим пост у входа. Мало ли... Пригодится, одним словом...

Вернувшись в палатку, Серегин завалился на кровать и глубоко задумался. Было ему как-то муторно, несмотря даже на командирскую благодарность.

Ну ладно, про тайные ходы он действительно читал, и догадаться, что такой может быть и в этой крепости, не бог весть что. Но вот почему он решил, что нужно осмотреть в первую очередь именно этот неприметный флигелек у стены? Словно кто-то толкнул под руку...

Совпадение? Удача? Не бывает таких удач. Ну что хотите делайте — не бывает!

Так или иначе, но уже на шестой день место базирования гарнизона было более-менее оборудовано.

В арке надвратной башни навесили привезенные с *той стороны* ворота — только что сваренные, сияющие свежей зеленой краской, и всенепременно с ярко-красными звездами на каждой створке.

В малом «дворце», ставшем комендатурой и одновременно казармой, появились застекленные рамы, койки и даже запирающаяся оружейная, вдоль стен выстроились железные двухъярусные койки.

А в нишах стен, там, где когда-то дежурили стражники (в сапогах с квадратными носами, с луками и ятаганами, украшенными индейскими орнаментами), заняли пост часовые в форме цвета хаки.

Все было готово.

Только вот к чему?..

*Гахна. Примерно две тысячи километров
к северо-востоку от предыдущего места действия*

Алтен проснулась оттого, что ей на лицо упал солнечный зайчик. Вскочив, она оглядела свое жилище.

Старинный идрисский ковер на полу — настоящий, не дешевая поделка; поверх него — туго набитые атласные и бархатные подушки, с потолка свисали изящной работы золотые светильники. Обстановка может показаться роскошной, и даже слишком, — но зачем еще деньги, если не тратить их на красивые вещи, которые так украшают жизнь?

По комнате расставлены низкие столики с остатками легкой закуски и разноцветными досками для игры в х'хо — этой ночью у нее были друзья, и этой же ночью у нее состоялось неприятное объяснение.

Алтен тряхнула головой.

Пусть она чародейка не из самого сильного ковена, но тем не менее чародейка, причем не какой-нибудь — шестой ступени.

Если этот надутый придворный сопляк считает себя выше ее только потому, что у него тройное имя, а у нее лишь двойное, то пусть ему будет хуже! В конце концов, ее род не менее древен и почитаем. Да и вообще, как сказал пророк Сей: «Нет раба, не имевшего предком царя, и царя, не имевшего предком раба».

Она выглянула в окно, полюбовалась вздымающимися над башнями и крышами Гахны синими отрогами Уйгола.

Потом, сбросив ночное покрывало, забралась в стоявшую в углу большую бронзовую лохань в форме раковины из южных морей. Фыркая, начала обливаться холодной водой, прогоняя остатки сна.

Можно было позвать служанку, но за три года в чародейской школе Алтен привыкла обходиться без посторонней помощи.

Обтершись куском грубого полотна, она, как была нагая, уселась на ковер и стала есть.

Перекусив кистью винограда и двумя хлебцами, девушка принялась обдумывать свой сегодняшний день.

Важных дел вроде нет.

Завтра ей предстоит сложное гадание об успехе важной сделки — для почтенного Сиркэ, главы купеческой гильдии города. И еще молодая богатая вдова хочет узнать, следует ли ей взять в мужа своего дальнего родича? Второе, конечно, проще, но в гадании на счастье и любовь вероятность ошибки велика, а репутация мага стоит дорого, но теряется легко.

Может, если бы вдова не обещала пятьдесят золотых, чародейка бы отказалась. Но ведь нужно же оплачивать столь любимую ею роскошь?

Но это завтра.

А что ей делать сегодня?

Может, отдохнуть перед предстоящим действием? Или заняться тренировками — покидать, например, игральную кость, добываясь выпадения нужного результата? А то плюнуть на все и съездить в горы?

Прикрыла глаза, представив чистойшую прохладную воду озер и мягкую траву высокогорных лугов.

Нет, пожалуй, можно не успеть обернуться до завтра. Поэтому придется заняться костями.

Алтен вытащила из ниши шкатулку, где хранила чародейские предметы, — все, что собрала за три года своей практики. У шкатулки не было запора, но тот, кто попытался бы ее открыть без разрешения хозяйки (пусть бы это был и куда более сильный маг), рисковал получить крупные неприятности.

Подняла крышку... да так и замерла.

Вокруг неприметного куска мутноватого кварца в простой деревянной оправе мерцало розоватое сияние — невидимое для непосвященных, но заметное даже для начинающего чародея.

Камень Судьбы давал ей знак.

Следующие несколько минут Алтен провела в напряженной активности.

Содержимое ящичка было небрежно вывалено прямо на пол, и девушка погрузила руки в россыпь флаконов и амулетов.

Несколько бутылочек с эликсирами были отложены в сторону, а две — тут же откупорены и выпиты (стены комнаты слышали произносимые сдавленным шепотом неблагозвучные слова — зелья не отличались тонким вкусом). Оранжевым мелом она очертила круг, в центр которого положила камень Судьбы — его аура виделась ей теперь густо-малиновой. Вокруг разложила несколько замысловатых вещей, а потом сбрызнула талисман жидкостью еще из двух флаконов.

Несколько капель попало ей на руки, и Алтен зашипела от боли, но отвлекаться было некогда.

Когда все было готово, она мысленно воззвала к Могущественным и к духам предков, прося помочь правильно истолковать Весть.

Затем сосредоточилась на амулете, впиваясь взором в его глубину. И чуть не вскрикнула от изумления — в багряном отблеске проскальзывали лиловые искры. Это значило, что Весть Судьбы касается не только ее, но и других.

О, да их целый рой! И быстрое мерцание — значит, ей предстоит узнать нечто очень важное. Что же это такое?

Видение пришло неожиданно и сильно — как это и бывало.

Что-то изо всех сил толкнуло ее в позвоночник, окружающий мир свернулся в точку, а потом глазам ее предстало зрелище — полуразвалившийся старинный город на фоне горного хребта. Потом она увидела его уже сверху, как будто глазами птицы, и убедилась, что на улицах этого вроде бы давно умершего города присутствует жизнь — мно-

жество людей в светло-зеленой одежде и какие-то странные повозки. Затем город резко ушел вниз, в глаза ударило выгоревшее небо — и перед глазами явилось лицо человека: в той самой странной одежде, невиданной ею раньше.

Все пропало — болезненным толчком Алтен вышвырнуло обратно в реальный мир. Камень стал прежним мертвым осколком кварца — Весть была передана.

Пошатываясь, девушка поднялась на ноги, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце. Пожалуй, с эликсирами она перемудрила. И неудивительно — такое было с ней третий раз в жизни.

Ну как бы там ни было, сообщение получено, и нужно действовать. Взяв со стола тоненькую флейту, Алтен дважды дунула в нее.

Через полминуты на лестнице загремели шаги.

Тут Алтен вспомнила, что до сих пор нагая.

Одеваться уже не было времени, и девушка просто подхватила лежащую на ковре скатерть и небрежно прикрылась ею, прижав одной рукой к груди. Хотя она, как и всякий маг, была лишена ложной стыдливости, но ей было бы неприятно при мысли, что кто-то будет мысленно проделывать с ней всякие вещи, которые она по доброй воле с ним делать бы не стала.

Вошел, тяжело переваливаясь, муж ее домоправительницы.

— Вот что, Стокк, — распорядилась она, стоя как ни в чем не бывало напротив окна, освещенная восходящим светилом.

Судя по взгляду Стокка, скатерть оказалась весьма коротка.

— Сегодня же, в крайнем случае завтра продай моих коней. Всех троих, кроме Паруса. Потом пойдешь к колесничному мастеру и скажешь, что заказ я отменяю, а задаток он может оставить себе. После этого отправь сообщение главе ковена Таркосу, что на окраине плоскогорья Тара-Хуту наблюдаются странные явления. Это место неподалеку от Тхан-Такх.

— Тхан-Такх? — удивился старик. — Один из покинутых в последнюю магическую войну городов?

Девушка кивнула.

— Город, с которым связано одно старое пророчество, что именно в нем будут жить демоны, кои захотят властвовать над миром? Любопытно, любопытно...

Окрестности покинутого города

Тхан-Такх (он же Октябрьск)

Учителя Кетрера вещали, что там, в Тхан-Такх, среди древних развалин стоит статуя из черного камня, изображающая мужчину с воздетыми над головой руками. Несмотря на то что она была в рост человека, сдвинуть ее не мог ни человек, ни животное, ни маг. Всякая по-

пытка подвинуть ее и разбить заканчивалась тем, что затеявший это оказывался поверженным и мертвым — с переломанными костями.

Причем что интересно, если кто-то пытался использовать животных или нетварей, то кара обрушивалась не только на бессловесных созданий, но и на того, кто их использовал.

Но вот группа разведчиков Крехсорского ковена оказалась на гребне скальной стены.

И не требовалось даже слабеньких чародейских способностей Кетрера, чтобы понять, что именно открылось его взору. Сердце его замерло, и целую минуту он не мог не только говорить, но даже толком думать.

Про такое им не говорили наставники и жрецы, о таком молчали немногие известные ему книги, об этом почти ничего не упоминали легенды.

Но чутьем и рассудком молодой маг понял, что перед ним не что иное, как проход в потусторонний мир. Ибо ничего другого висящий над пропастью и уходящий в почти невидимый обычным зрением радужный шар мост, по которому двигались еле различимые повозки без коней, означать не мог.

Впрочем, слишком долго думать об этом Кетрер не стал, ибо куда ближе моста имелся другой объект для наблюдения. Прямо под ними, внизу, вокруг белого тонкого остроконечного столба с красной полоской суетились крошечные, как муравьи, люди в красной и зеленой одежде. Там же ползали две непонятные, ранее не виданные им нетвари. Вокруг сооружения были еще всякие непонятные штуки.

— Что они делают? — спросил подползший слева Аор.

— Должно быть, строят храм или обелиск, — выразил свое мнение Кетрер. — Почему я знаю?

Внезапно что-то случилось, и люди вокруг обелиска начали шустро отбегать. Чутье опытного разведчика заставило Кетрера напрячься. Нетвари тоже отползли прочь.

А затем... башенка окуталась белыми клубами, у основания ее блеснул огонь...

И она поднялась в воздух. Медленно, затем быстрее и быстрее... И вдруг понеслась вверх, поравнявшись на мгновение с карнизом, где сидели они, и устремилась ввысь, оставляя дымный след. Рев и гром заставили их вжаться в камни.

— Оборони, оборони Дарга и Диония!! — в ужасе завизжал Тернет. — Оборони-и-и!!

— Заткнись!! — навалился на него Кетрер.

Хотя видят Неведомые, он и сам готов был бежать прочь со всех ног.

Колдуны запустили в небо огненную стрелу! Воистину жуткая ма-

гия, должно быть, у этих пришельцев! В какую цель могла быть направлена такая стрела?! В кого? Даже помыслить об этом было страшно.

— Быстро уходим!! — скомандовал он, все еще прижимая к земле хнычущего Тернета. — Всем все собрать и чтобы ни одного следа! Ну, скорее! Не зевать!

Он вскочил, подняв за шиворот подчиненного, и, пригибаясь, трусцой побежал к тропинке среди скал, за напряженной сосредоточенностью стараясь скрыть страх — вполне понятный и простительный.

За ним, вздрагивая и оглядываясь, поспешили его спутники.

Октябрьск

Совещание тянулось уже более трех часов, а туман все не хотел проясняться. У Мезенцева от всей этой говорильни, обилия научной терминологии даже стал покалывать левый висок — явный признак начинающейся мигрени.

До чего же любят поговорить эти штатские. Хлебом их не корми, только дай показать свою эрудицию. Нет бы говорить попроще, чтобы всем понятно было. И все чего-то требуют, требуют, требуют.

Вот и этот, «народный академик», эвон какую реляцию накатал.

— Слушайте, товарищ Кара-Мурзаев, да ведь тут у вас список на сто с лишним человек! — недовольно повел носом генерал. Историк кивнул. — Ну вы бы сразу затребовали себе целиком Институт всемирной истории!

— А вы не иронизируйте, Антон Карлович. Идеально было бы и в самом деле организовать институт по изучению этого мира.

— Хорошо, это само собой. Но определитесь, кто вам нужен в первую очередь. Мы ведь и в самом деле не можем вывезти сюда вам Академию наук в полном составе.

— Нужны лингвисты, причем лингвисты-практики, имеющие опыт полевой работы, нужны специалисты по разработке методов преподавания языка, которые смогут в сжатые сроки разработать хотя бы нормальные разговорники и учебники, — начал загибать пальцы академик. — В идеале группа из одаренных ребят, имеющих способности к языкам. Это, кстати, можно сделать прямо сейчас, прошерстив наш воинский контингент. Дальше, нужны специалисты по сравнительной этнопсихологии и истории культур, чтобы можно было прикинуть хотя бы вчерне, что собой представляют местные государства и чего можно от них ожидать? И желательное хотя бы пару-тройку биологов, если можно.

— Вы бы хоть подождали до тех пор, пока мы выясним, кто тут живет, — развел руками Мезенцев.

— Некогда ждать! — окрылся Кара-Мурзаев и под бурные аплодисменты присутствующих покинул трибуну.

Страдальческий взгляд генерала принялся бродить по залу и вдруг наткнулся на знакомое лицо. Хм, вот кто ему сейчас нужен. Толковый малый и наверняка сможет доходчиво объяснить что к чему.

— Товарищ Каиров, доложите, что у вас имеется на данный момент.

На трибуну поднялся смуглый, горбоносый человек с легкой сединой на висках, в форме капитана второго ранга.

Кавторанг прокашлялся, стараясь сосредоточиться. Он все еще вполне отошел от невероятной ситуации. Двое суток назад мирно явился на службу в штурманскую часть штаба Каспийской пограничной флотилии, в положенные 8.30. А спустя пятнадцать минут за ним пришли двое в штатском и, ничего не объясняя, отконвоировали, иного слова не подберешь, на аэродром, где посадили в транспортник, идущий на Душанбе. Потом он часа три тащился в раскаленном КУНГе¹ грузовика, из которого вышел только в этом вот странном полуразвалившемся городе. И только там ему объяснили, что он на *другой* планете и от него требуется выяснить все, что касается местных светил и астрономии.

— Ну что же вы, товарищ капитан? — нетерпеливо подбодрил его Мезенцев.

— Итак, — еще раз кашлянул Каиров, вернувшись в действительность, — вот что у нас получилось. Судя по астрономическим вычислениям по двадцати главным звездам, эпоха примерно соответствует концу двадцатого века...

— Прошу прощения, а что значит: «примерно соответствует»? — подал голос человек в штатском. — Я всегда, грешным делом, считал, что астрономия — наука точная.

— Понимаете, — замялся Каиров, — дело в том, что обнаружилось некоторые странности — несколько важнейших звезд находятся не совсем там, где им следовало бы, а движение планет Солнечной системы вообще весьма заметно отличается от того, что мы наблюдаем у нас. Видите ли, изменилось не только расчетное местоположение всех восьми наблюдаемых планет относительно здешней Земли, но и, кажется, орбиты некоторых... И кое-какие звезды тоже, повторюсь, как будто не на месте.

— Нич-чего себе! — крикнул генерал. — Звезды у них, выходит, не на месте. Этак, чего доброго...

¹ КУНГ — армейская аббревиатура, означающая «кабина универсальная герметизированная»; наиболее известные сегодня КУНГи представляют собой будки с прямоугольными стенками и полукруглой крышей, они имеют в задней стенке одно- или двустворчатую дверь, как правило снабженную окошком; кузов КУНГа представляет собой деревянный каркас, обшитый гладким стальным листом снаружи и фанерой внутри.

Мезенцев не стал уточнять, к чему может привести самовольство небесных светил.

— А Земля тут у вас, надеюсь, на месте?

— Нет, орбита Земли, слава богу, не изменилась,— без тени улыбки ответил моряк.— Но вот угол наклона оси градусов на двадцать больше, чем в нашем мире. А с магнитными полюсами вообще жуткая картина — Северный приблизительно где-то в районе Мурманска, а Южный — в Тихом океане неподалеку от Новой Зеландии, если только...

— Если только — что? — цепко впился в него взглядом штатский при последней оговорке.

— Если только и Тихий океан, и Новая Зеландия тут наличествуют,— буркнул кавторанг.— И наконец еще одно. Здешняя Луна, как бы это сказать, не совсем в порядке.

— То есть? Надеюсь, нам на голову она не свалится?

— Нет, до этого, конечно, не дойдет, но факт есть факт. Орбита Луны без изменений, однако ось вращения самого спутника, как и ось вращения Земли, сильно наклонена. Фактически наша бедная старушка Луна лежит на боку, повернувшись к нам южным полушарием. Да и магнитное поле тут ровно в один и восемь десятых раза больше, чем у нас.

— Это все, что ваша наука может сказать по поводу здешнего мира? — поинтересовался Антон Карлович.

Его мигрень не только не прошла, а, наоборот, все усиливалась. Еще полчаса этого словоблудия — и голова взорвется, словно осколочная граната.

— Что еще? Очертания морей и берегов, гор и рек хотя и имеют сходство с Землей, но выглядят так, как будто их сначала смяла какая-то сверхсила, а затем, вдоволь помесив и перекрутив, вновь разгладила. Ни Аральского моря, ни Каспия в наличии не имеется. Несколько стекающих с гор рек и множество речушек вливаются притоками в одну большую реку, текущую к северо-западу и исчезающую за пределами карты где-то в районе земной Астрахани. Еще одна большая река течет с гор куда-то к северу. На востоке вздымаются горы, закрытые облаками. С юга — там, где расположился вход в наш мир,— тоже горы, не хуже Гималаев. А между горами и степью лежит какая-то огромная страна. Багряные и серо-желтые полотнища пустынь, бледные изумруды оазисов, яркая зелень речных долин. И либо ровные круги, либо прямоугольники то тут, то там, скорее всего города. Это все, что удалось разузнать за столь короткое время,— закончил доклад кавторанг.— Извините, если мое сообщение было несколько сумбурным. Я знаю мореходную астрономию и знаком в общих чертах с астрофизикой, на уровне журналов нашего Астрономического общества. Но что касается космогонических проблем и свойств Вселенной, еще раз говорю, это не по моей части.

— Лет тридцать назад, товарищ подполковник, — погрозил моряку пальцем генерал, — вас за подобные разговорчики и халатность отдали бы под трибунал. Но сейчас другие времена, а потому приказываю...

Окрестности Октябряска

Колонна разведчиков уверенно продвигалась вперед. По старому тракту, пролежавшему между двух скальных уступов.

Три «коробочки» БРДМ, позади них на дистанции сто метров двигались шесть бэтээров. Последними шли грузовики с пехотой и минометчики, прикрываемые двумя бронемашинами.

Не проехали они и километра, как передовой БРДМ стал. Поперек дороги лежал полусгоревший труп.

Оглядываясь и поводя автоматами туда-сюда, майор Макеев и капитан Анохин вместе с полудюжиной разведчиков спрыгнули с брони.

Труп тянул к ним скрюченные, почерневшие руки, напомнив майору ожившую мумию из какого-то американского фильма (в его родном Выборге финское телевидение ловилось временами не хуже нашего).

Пахло подгоревшими котлетами, и Макеев едва сдержал позыв сблвануть.

При жизни *это* было воином старого времени — рядом лежал обугленный щит и почерневший меч. Остатки доспеха были буквально вплавлены в почерневшую плоть.

— Ты это видел, Саня?! — с лихорадочным блеском в глазах почти выкрикивал Анохин. — Нет, ты это видел?! Ну консультанты! Ну блин, гнилые интеллигенты! Тут, е-мое, примитивная цивилизация!

Над несчастным явно поработал огнемёт, да еще заряженный какой-то особенно жгучей дрянью, — иначе бы камень вокруг него не оплавился.

— Ну ученые мудилы! Ну!!!

Майор вполне понимал ярость приятеля. Одно дело — чудики с луками или копьями. И совсем другое дело, если тут все же имеется что-то посерьезнее. Пусть даже у них огнеметы вроде византийских — с ручными мехами, плюющие струей метров на двадцать—тридцать, то и тогда им будет элементарно спалить броник из засады. Особенно учитывая, какого качества тут огнесмель: почище напалма будет!

— Двигаться с максимальной осторожностью! — отдал приказ Макеев.

Однако добежать до своего БРДМ успели не все. Внезапно разведчиков накрыла волна неизвестно откуда выпущенных стрел. Две стрелы прошли мимо майора, хотя и, что называется, в опасной близости. Третья попала в магазин автомата бежавшего рядом ефрейтора Кор-

кина. Четвертая скользнула по ноге, распоров кожу бедра и заставив ефрейтора заорать от неожиданно сильной боли. И в тот самый момент, когда он широко раскрыл рот в крике, арбалетный болт, нацеленный точно в горло, ударил ему в нижнюю челюсть, глубоко уйдя в кость. Багровая вспышка затопила окружающий мир, а затем подступивший шок милосердно погасил боль, буквально выжигающую мозги.

Но в эти мгновения бессознательно Коркин сделал то, что должен был сделать, и выпущенная вслепую автоматная очередь смахнула с гребня и стрелков, и еще с полдюжины выскочивших из-за скал разбойников.

Когда по тебе стреляют с явным намерением прикончить, все посторонние мысли уходят куда-то прочь и включаются древние как мир инстинкты. Тем более когда речь идет о солдатах, прошедших соответствующую дрессировку не где-нибудь, а в Афгане. Бойцы мгновенно залегли и открыли огонь, следом за ними начали палить выскочившие из грузовиков их товарищи.

Солдаты вразнобой выпустили дюжину очередей, молотя по всему, что шевелится.

Однако они не заметили, вернее, не обратили внимания еще на одного противника — высокого, грузного и краснолицего немолодого мужика в длинном, шитом золотом кафтане. Может быть потому, что тот был безоружным.

Он медленно брел в их сторону, и взявшие его на мушку бойцы опустили автоматы, шаря глазами в поисках других целей. И напрасно, как оказалось.

Мужик приблизился настолько, что им хорошо стало видно его отекавшее, багровое лицо, искаженное судорогой.

Затем произошло следующее.

Вытянув перед собой руки, как слепец, он сделал неуверенный шаг по направлению к ним. Внезапно вокруг кистей рук бородача возникло лиловато-багровое свечение, он свел их вместе... И его сжатые кулаки извергли сдвоенную почти прямую молнию, соединившую его с ближайшей бронемашинной. Тут же из люков вырвались искры и дым, посыпались вопящие фигурки, отчаянно сбивающие пламя с маскхалатов. Затем плюнуло рыжим и черным, и на месте бэтээра запылали костер. Человек торжествующе захохотал, воздев по-прежнему сведенные руки высоко над головой...

Так он и умер, с торжествующей усмешкой на губах, разрубленный почти пополам очередью из ручного пулемета, выпущенной с двух десятков метров. Оказавшийся сбоку от него рядовой Кириллов был одним из лучших пулеметчиков своего полка.

На этом первая стычка с противником закончилась. Как всегда по-

сле интенсивного боя, наступила бьющая по ушам тишина. Выждав с полчаса, разведчики принялись считать потери и наводить порядок.

Макеев же решил поближе рассмотреть странного мужика.

Уже издали глазам майора предстало довольно необычное зрелище: Анохин, стоявший на коленях и настойчиво что-то ищущий в траве рядом с трупом краснолицего толстяка. Капитан не побрезговал даже несколько раз перевернуть окровавленные куски плоти.

Макеев тоже машинально принялся ворошить носком сапога редкую сухую траву горного склона.

Через минуту Георгий закончил поиски и остервенело сплюнул:

— Ну и где же она?!

— Что? — не понял комроты.

— «Что-что!»! Та ..., которой этот урод спалил машину, что же еще?!

Тот первый трупяк не иначе из такой же хрени поджарили.

Еще какое-то время они оба обшаривали все в радиусе метров пяти от трупа, заглядывая под каждый камешек, под каждый кустик. Но ничего похожего на оружие (да и вообще ничего) не нашли.

— Что же это могло быть, Санек? — произнес, вновь сплюнув под ноги, Анохин, признав наконец свое поражение. — Да что же это может быть? Ведь саданет из такого в упор — и хоронить не надо будет!

Александра мороз по коже подрал при мысли о том, что это могло быть... Разнообразные бластеры, лазеры, лайтнинги и скорчеры, о которых он прочитал в книгах или которые видел в кино, пронеслись перед его мысленным взором.

Тем не менее он взял себя в руки.

— У меня есть идея, — заявил он. — Когда-то здесь была высокоразвитая цивилизация вроде нашей. Затем она погибла — в атомной войне или еще как-нибудь, но кое-какие запасы с тех времен сохранились.

— Ты поменьше фантастику читай, командир! — раздраженно бросил капитан Анохин.

— Товарищ майор! — браво отрапортовал подлетевший к офицерам рядовой Чуб. — Там это... языков взяли.

— Да ты что?! — обрадовался Макеев. — Ну-ка, ну-ка!

Пленники покорно сбились в кучу, подняв руки в, наверное, универсальном для всех миров и времен жесте, означающем безоговорочную сдачу в плен.

Зрелище они представляли сейчас очень странное.

Пожалуй, Макеев затруднился бы даже определить чувство, которое испытывал, глядя на них.

Чувство некой странности и... неправильности, что ли... Как будто перед ним были ожившие сказочные персонажи. Али-Баба и сорок разбойников.

Картинка и вправду была колоритней некуда.

• Гарнизон •

Аргуэрлайл. Город Октябрьск/Тхан-Такх

Отсюда, с угловой башни, казалось, что холмистая равнина предгорий уходит не к горизонту, а растворяется в рассветных мягких красках подступающей осени.

Человек, которого в этих краях именовали Сантором Макхеем, сардаром Тхан-Такх, он же Александр Петрович Макеев, майор Советской армии, стоял на дозорной площадке и оглядывал свои «владения».

Он неукоснительно придерживался раз и навсегда заведенного порядка — каждый день обходить самые важные уголки вверенного его попечению города.

Вот и сегодня, встав на рассвете, наскоро умывшись и позавтракав ломтем хлеба с грудинкой, отправился проверять посты на городских стенах. Сейчас позволил себе чуть перевести дух — благо все было в порядке. Позади чуть слышно переминались с ноги на ногу два телохранителя, немолодой кряжистый степняк Васконо Сатт, обоерукий боец, на поясе которого было две сабли, и Гриша Суров, маг второй ступени, к тому же неплохо стрелявший из автомата.

Не то чтобы Макеев чего-то боялся, тем более что на поясе, рядом с отнюдь не церемониальным клинком, висел «макаров» с полной обоймой.

Но береженого местный бог бережет. Опять же здешним владьям было немислимо гулять в одиночку среди подданных, даже там, где их любили.

Начинался обычный день Тхан-Такх — Октябрьска.

Дымили горны в левом углу крепости в Четвертом квартале, или Артмастерских, как теперь называли это место, и уже звенели молоты, и похрюкивал на холостых испытательных оборотах недавно собранный ребятами капитана Бровченко дизель. Возле Базарной площади копошились землекопы — купеческое братство Тхан-Такх (не иначе, по совету кого-то из пришельцев) решило заложить там ледник на тысячу с лишним тонн мяса. За две улицы от размахивающих заступами поденщиков мелькали яркие одеяния торговцев и погонщиков бы-

ков — собирался в дорогу очередной караван торговцев с юга. Просыпалась и Махаловка, откуда ветерок приносил вместе с дымком очагов запахи готовящихся кушаний и браги, заливаемой в перегонные кубы местными самогонщиками. Оживилось и Западное предместье — обиталище зеленщиков, огородников, кожевников и золотарей.

Над Замком, как именовалась резиденция советского командования, висел развеваемый ветром ярко-алый флаг.

А ниже, над кварталами и улицами на вознесенных над сланцевыми и камышовыми крышами шестах ветер трепал разноцветные вымпелы и штандарты кланов, родов, цехов и просто сбродных общин. Ибо в этом городе, как и в этом мире, один человек — это меньше, чем ничто. Лишь вокруг Замка на паре десятков улиц ни единого клочка ткани не оживляло крыши — там обитали земляне.

Макеев грустно покачал головой — уже по этому признаку было видно, что даже тут, в собственном городе, его соотечественники не имеют большинства.

А ведь жители Октябрьска составляют от силы десятую часть населения всего княжества.

Обзор с юга загораживала стена с недавно подновленными зубцами — и это было хорошо, потому как даже годы, прошедшие со времени Эвакуации (майор именовал ее не иначе, как бегством), не избыли той горечи, которую вызывало зрелище занесенной пылью широкой дороги, ведущей в никуда — к месту, где соединились миры...

Он еще раз оглядел город. И взор невольно остановился на восточной окраине — там, вдоль стены, вытянулось их кладбище. Майор тяжело вздохнул — скоро отведенного под погост участка на месте старых руин двух караван-сараяв не станет хватать — число могил приближалось к семи десяткам, это не считая тех, кого Аргуэрлайл сожрал бесследно.

Александр запретил себе думать об этом, как давно уже запретил себе думать об оставленной родине, недосыгаемом где-то там доме, жене, сыне...

Ибо подобные мысли, как и надежды на несбыточное, лишают силы.

Сейчас для него не было важнее вопроса: как сделать так, чтобы его государство-анклав не погибло.

Чтобы жил этот маленький город, островок в океане чужого мира, чтобы вновь над руинами Тхан-Такх не воцарилось мертвое молчание, когда лишь ветер будет петь свои песни, засыпая песком черепа и кости его недавних жителей и черепа и кости их детей.

Позади звякнуло — телохранители осторожно переступили подкованными сапогами.

Макеев вздохнул, подавив желание инстинктивно оглянуться и все же посмотреть туда, где осталась дорожка в их родной мир.

Часть первая В СВОИХ ДЕРЗАНИЯХ ВСЕГДА МЫ ПРАВЫ

Слова смутного не тронь!
Мы не сгинем навсегда!
Мы бессмертны,
Как Огонь,
Небо, Ветер и Вода!

Леонид Мартынов

Октябрьск/Тхан-Такх. Застава Ильича

Этот пост всегда считался самым безопасным из всех, размещавшихся у городских стен. Почему так — непонятно, наверное, традиция, сохранившаяся еще со времен первого этапа заселения землянами заброшенного древнего города Тхан-Такх.

Возможно оттого, что здесь были расположены так называемые малые, а не главные городские ворота, ведущие на большой торговый тракт. Вот там точно был сумасшедший дом. То торговые караваны, то посольства, то просто кто в гости придет. И всех осмотри, проверь, запиши. Здесь не то. Кругом одна степь. На многие километры вперед ни единой живой души. Так что попасть в караул именно сюда, а не на прочие семь «пристенных» точек, считалось делом не хлопотным.

Караулка находилась примерно метрах в пятистах от ворот. Это для того, чтобы своевременно оповестить гарнизон о надвигающейся беде, дав горожанам возможность закрыть и укрепить вход. Сигнал положено было подавать двух видов: во-первых, выстрелить три красные ракеты (в последнее время, когда пришла нужда экономить снаряжение, достаточно было одной), во-вторых, разжечь сигнальный огонь, для чего рядом с хижинкой для наряда всегда была собрана куча хорошо подсушенного хвороста, sprыснутого для верности бензином. Данную статью «Временного положения о гарнизонной и караульной службе» всегда для верности спрашивал военный комендант на разводе. Больше для порядка, чем из расчета на реальное ее применение.

Вот и сегодня все было как всегда.

Ефрейтор Смагин заступил на пост вчера в восемнадцать ноль-ноль и должен был смениться уже через три часа.

Готовиться к передаче караулки сменщикам начал загодя, чтоб не

было проволочек. Кто знает, кто сегодня в начкарах будет. Попадется какой-нибудь дотошный зануда, так за час не управишься. То к одному докопается, то к другому. Где веник, почему три стакана, а не четыре, отчего за рамочкой с описью имущества пыль на стене не стерта?.. Ой, да мало ль этих караульных заморочек.

А Смагину нужно было поспеть домой непременно к семи часам. Пригласил прогуляться девчонку из местных, с которой они уже третий месяц встречаются, имея самые серьезные намерения. Неудобно будет опоздать. И так уже пару раз проштрафился.

Поэтому ефрейтор нетерпеливо покрикивал на своих напарников, двух парней-степняков, лишь полгода как определившихся в народное ополчение и считавшихся «духами», которым следовало летать и летать до тех пор, пока они не станут «дедушками». И ничего, что каждый из желторотиков на пару лет старше «деда» Смагина. Дело не в возрасте, а в сроке службы. Это бывшие кочевники уже понимали и не сильно ворчали, когда ефрейтор давал «унизительные» с точки зрения степной этики указания еще раз смести по углам паутину или и того хлеще — выдрать «очко».

Землянин особенно и не выделялся. Так просто, со скуки. Парни-то неплохие, смекалистые, даром что из дикой степи. Не в пример некоторым «чуркам» из среднеазиатских республик. Вот уж бывало чего-нибудь отчебучат, хоть караул в карауле кричи. То у них магазин куда-то запропаستится, да так, что приходится всем скопом его искать. И хорошо, если пропажа куда-нибудь под тумбочку закатилась, а не была утоплена в сортире. То пару страниц из казенного устава вырвут, чтоб попользоваться все в том же отхожем месте. Как их потом назад вернешь?! А новая смена требует, чтоб все было в целостности и сохранности. И главное ж ничем их, сучар, не прошибешь. Вытаращат красные от недосыпа глаза и булькают: «Плохо понимать русски, плохо понимать русски...» Тьфу!

Нет, с этими служить можно. Что Михасс-Го, которого Смагин звал попросту Мишкой, что Гааркан. Луками владеют не хуже, чем ефрейтор своим «калашом». Птицу на лету бьют в глаз. А как потом дичь приготовить могут. Пальчики оближешь! Ну а уж если сайгак попадется, то лучшего шашлыка, чем у Мишки, Смагин никогда не пробовал.

Кстати, что это там за облачко пыли показалось в степи? Что-то скачет, явно на лошадь не похожее. Не помянутый сайгак ли?

— Миш, а Миш, глян-ка, что за животное? — протянул ефрейтор бинокль напарнику.

Степняк приложил прибор к глазам. Навел резкость.

И вдруг как заругается по-своему.

Что-что, а местную брань ефрейтор освоил в первую очередь. Все-

гда пригодится. Незаменимая в общении вещь. Особенно между мужиками.

Михасс-Го лаялся по-черному, причем во весь голос.

Заслышав его, из караулки выскочил Гааркан.

— В чем дело?! — ошалело поинтересовался, переводя взгляд с одного товарища на второго. — Чего не поделили?

— Там, там... — У Мишки не хватало воздуха.

Махнув рукой, он сунул бинокль соплеменнику, а сам смотался в помещение и вынес оттуда лук и колчан со стрелами. Тут же принялся налаживать оружие к стрельбе.

— ... твою мать! — выматерился по-русски Гааркан и помчался в караулку, на ходу вопя: — Толя, зажигай костер!

По их серьезным физиономиям ефрейтор понял, что дело и впрямь серьезное, а потому не стал долго разбираться, что к чему, сразу чиркнув зажигалкой у кучи. Огонь сначала лениво, а потом все веселее заплясал по сухим веткам, и вот уже пламя поднялось выше крыши караулки.

Удовлетворенно поцокав языком, Анатолий повернулся лицом к ребятам и обомлел.

Облачко пыли приблизилось уже на достаточное расстояние, чтобы увидеть, что оно скрывало.

А пряталась там самого зверского вида животного из породы тех, которых местные называют нетварями.

Где-то два с половиной метра высотой, на двух двупалых когтистых лапах. Передние лапы, такие же длинные, как и задние, но менее развитые, о трех пальцах, тряслись перед мощной грудью. Острозубая морда чем-то напоминала рыбу. Только глаза не большие и привыкшие, как у рыб, а узенькие щелочки, прямо от которых начинались по ослиному длинные уши. От основания черепа по хребту до середины спины шел гребень. Хвост короткий, но мощный. Кожа монстра, желтая и шершавая, чем-то напоминала слоновью, но наверняка не столь толстая — было видно, как под ней сокращаются мощные мышцы.

— Что за хрень? — поинтересовался Смагин, снимая с плеча автомат.

— Карачон, — пояснил Михасс. — Очень злой. Очень сильный.

— Поглядим, насколько у него крепкая шкура, у вашего карачуна, — хмыкнул ефрейтор и выпустил по твари прицельную очередь.

Зверюга каким-то чудом увернулась и продолжила марш-бросок.

— Етить, — удивился «дедушка».

Чтоб он промахнулся с такого расстояния? Да еще не одиночными, а очередью. Не иначе, заговоренная гадина.

Урод распахнул безгубую пасть, высунул длинный раздвоенный язык и зашипел так громко и пронзительно, что у Анатолия чуть барабанные перепонки не полопались.

— Ну, Соловей-разбойник, держись! — пробормотал он. Решил попробовать одиночными.

Бац, шлепнула пуля в левое плечо монстра. Пробила шкуру, и из дырки выплеснулось что-то зеленое и зловонное.

В ответ послышался низкий гортанный рык. Карачон все так же на бегу шлепнул себя правой лапой-рукой по раненому месту, и оно тут же затянулось розовой коркой.

Тем временем в бой вступили и степняки, как видно, знавшие повадки этого жуткого создания. Почти одновременно Мишка и Гааркан выстрелили из луков. Одна стрела, угодив зверю в лоб, отскочила. Зато вторая впилась ему под правое ухо.

Монстр затормозил.

Воспользовавшись его заминкой, Смагин ударил очередью ему по ногам. И попал. Как тут не попадешь практически с десятка метров.

Сильный визг накрыл волной страха и паники. Захотелось тут же бросить оружие и бежать без оглядки подальше от гиблого места.

Гааркан успел подбежать к костру и, зажегши стрелу, выстрелил в живот чудищу. То, словно и не испытывало боли в израненных конечностях, успело перехватить горящую палочку руколапой и в сердцах сломало, бросив обломки в сторону людей.

Опершись на хвост, зверь оттолкнулся от земли и взлетел ввысь и вперед, преодолевая расстояние, отделявшее его от людей.

Солдаты, не сговариваясь, кинулись в караулку и, захлопнув дверь, стали стаскивать к ней всю имевшуюся под рукой мебель, сооружая хлипкую баррикаду. При этом совершенно не подумав, что монстр может атаковать и с другой стороны. Например, в окно.

Вспомнили об этих уязвимых местах только тогда, когда жалобно посыпались битые стекла, а в образовавшуюся дыру сначала сунулась трехпалая лапа, а затем и мерзкая рожа монстра.

Смагин нажал на спуск, однако «калаш» жалобно всхлипнул и приумолк. В обоих рожках, основном и запасном, кончились патроны, а больше двух караульным в мирных условиях по инструкции не полагалось. Завидев сигнальный огонь, должна была подоспеть подмога.

Оставалось надеяться, что там, на городской стене, дозорные не дремлют и уже заметили их сигнал.

А пока пришлось вооружаться чем попало и обороняться от животины. Луки степняков в столь узком помещении, каковым была караулка, утратили свою грозность. Зато пригодились кинжалы и саперская лопатка.

Ее-то и обрушил на голову карачону ефрейтор, в то время как кочевники пустили в ход свои грозные клинки, больше походившие на абордажные тесаки пиратов — такие же изогнутые и зубчатые.

Лопатка тварью кость не взяла, зато парням удалось оттяпать у

животины пару кусков плоти. Миша отрезал правое ухо, а Гааркан — один из пальцев на руколапе.

Зверь ответил очередным диким воплем, но из окна убрался, обрушив весь гнев на глинобитную стену. Чем уж он ее там долбил, неведомо, но после нескольких мощных ударов стена пошла трещинами.

Если так и дальше пойдет, прикинул Смагин, то больше получаса караулка не выдержит. Не против артиллерии и осадных орудий ее строили.

Где же, мать их, подмога?!

Еще один удар таки сокрушил непрочное препятствие. Кусок стены рухнул на дощатый пол. Наученная предыдущей атакой зверюга не стала тут же соваться в пролом, а продолжила методично уничтожать стену, расширяя отверстие.

Вот бы сюда гранату. Не может быть, чтобы устояла гадина против РГД-5.

Но чего нет, того нет.

— Парни, придумайте хоть что-нибудь! — взмолился Анатолий. — Оно ж ваше, здешнее. Кому, как не вам, знать его слабые места?!

— Нет, — покачал головой Гааркан, — не наше. Это из бывшего Сарнагарасахала нетварь. Тамошние маги вывели. Против него трех человек мало. Оно способно с десятком сражаться.

— Так оно ж нас тут ухлопает и сожрет, — с отчаянием молвил ефрейтор.

— Это уж как Вечное Небо и Священная Луна решат, — не без фатализма развел руками Миша.

Но, видно, Высокие решили, что помирать троице еще рановато.

Стеноломание вдруг прекратилось, послышались частые автоматные очереди, а в ответ рев карачона.

— Наши! — восторженно проорал Смагин. — Наши пришли!

В стену впились несколько шальных пуль.

«Только б нас под горячую руку не задели», — подумал ефрейтор и скомандовал своим лечь на пол.

Рев перешел в хрипы, потом в сипение. Наконец все смолкло.

— Эй, вояки, — донесся до них знакомый голос. — А ну-ка вылезай, кто живой!

— Товарищ капитан! — обрадовался Анатолий, выбираясь из полуразрушенной караулки. — Это вы?

— Нет! — отбрил Анохин. — Дед Бабай!

Начальник разведотряда, а с ним еще пятеро бойцов-автоматчиков стояли над поверженной и еще содрогавшейся в последней агонии тварью.

Георгий покачивал головой, рассматривая произведенный чудовищем разгром. Придется перестраивать караулку заново.

А что будет, если таких вот зверушек соберется не одна и не десять,

а, допустим, сотня или две. Да пойдут они на штурм городских стен. Сколько выдержит древняя глинобитная ограда, пусть и более-менее укрепленная?

Октябрьск/Тхан-Такх. Дом офицеров имени Г. К. Жукова

Люди сидели чуть ли не на коленях друг у друга, стояли в проходах, дух махорочных сигарет смешивался с ароматом конского пота и сыромятных кож, создавая прямо-таки физически ощутимую атмосферу. Топор не топор, а саблю повесить было бы нетрудно.

То, что происходило нынче в Колонном зале гарнизонного Дома офицеров, по старинке именовалось общим собранием. Может быть, в другом времени и обстоятельствах его бы могли назвать Учредительным собранием. Но одни из сидящих тут вообще о нем не слышали, на Аргуэрлайле всеобщих выборов еще не изобрели, а для других — это было уже давней полузабытой историей про то, как бравый матрос Железняк разогнал сборище беспомощных буржуев-говорунов.

Сидя в президиуме за столом, традиционно накрытым красной скатертью, Макеев вглядывался в перешептывавшихся между собой делегатов, расположившихся внизу в деревянных креслах, в свое время выписанных специально для таких случаев генералом Мезенцевым, строго следившим за соблюдением формы везде и во всем. Александр вспомнил, как хвастался Антон Карлович, что умыкнул полный комплект из полутысячи кресел прямо из-под носа «одного чинуши из ВЦСПС», собиравшегося преподнести мебель в дар реконструированному кинотеатру одной из столиц прибалтийских республик. Обновить мебель так и не успели. Едва закончили монтировать, началась Эвакуация.

Теперь вот вместо высшего офицерского состава ОГВ на Аргуэрлайле кресла занимают представители советских людей, предательски брошенных своими на чужой планете. Редко у кого на погонах поблескивают большие звезды. Все больше маленькие или вообще сержантские лычки. Ничего, не в величине и количестве звездочек счастье.

Здесь же присутствовали и представители союзных землянам племен Великой Степи. Не так много, как хотелось бы, но и немало — человек триста. Старейшины, мелкие князьки, шаманы. Ханов было лишь двое, правда, один не кто-то, а шестнадцатibunчужный — сам Гохосс-Со. И представляют они примерно этак до миллиона живых душ, как подсчитал еще год назад счастливо вернувшийся в Союз эксперт по военной демографии капитан Сургов. С такой силой за плечами можно не только обороняться от неприятеля, но и спокойно жить и работать. А там коли задуманное дело пойдет, как надо, то и другие степняки присоединятся.

Беспокоило слегка то, что у кочевников при себе имелось не толь-

ко холодное оружие, каким они мастерски владели, но и огнестрельное — подарки союзников. Макеев предпочел бы, чтобы гости сдали его, но это было немислимо, ибо подобное предложение смертельно оскорбило бы гостей — у вольного воина отобрать оружие...

Майор поежилсЯ. Все-таки непривычно находиться под обстрелом столькох глаз. Ему гораздо уютнее было бы сидеть там, внизу, со всеми, а не здесь, за столом, под двумя большими портретами, на которых местный художник запечатлел Ленина и генсека Андропова. (Их закончили незадолго до все той же Эвакуации, отчего лица вождей имели явные признаки степной крови.)

— Товарищи, — начал он, — разрешите считать совместное заседание Совета города ОктябрЬска и городской парторганизации, а также курултая открытым.

По его знаку Лунев включил проигрыватель, и из колонок понеслись торжественные звуки партийного гимна «Интернационал». Земляне тут же подхватились на ноги и застыли по стойке «смирно». Следуя их примеру, встали со своих мест и кочевники. Чужой ритуал показался им странным, но музыка понравилась.

— Прошу садиться, — молвил Александр, когда прозвучал положенный первый куплет с припевом. — Для ведения собрания нам следует избрать... кхе-кхе... рабочий президиум. Какие будут предложения?

То один, то другой военные вставали и называли имена, заранее написанные им на бумажке Лыковым. Всего кандидатов набралось человек двадцать пять. Среди них, «случайно» оказались и представители всех пятнадцати племен, и оба хана. Раздувшись от гордости, степняки проществовали на сцену и воссели за столами. Некоторое непонимание возникло у них оттого, что перед ними не выставили никакого угощения. Только графины с водой и стаканы. Ну да Высокое Небо этих чужинцев знает. Может, яства позже принесут.

— Повестку дня вы все знаете, — обвел Макеев собравшихся суровым взглядом. — Она у нас насыщенная. Разговор, товарищи, будет долгим и непростым. Для начала слово для доклада предоставляется секретарю нашей партийной организации, Лыкову Семену Васильевичу, танкхену племени Волка. Прошу вас, товарищ капитан.

Формально замполит еще не был капитаном. Представление, подписанное генералом Тихомировым, ушло наверх и не вернулось в виде приказа о присвоении очередного воинского звания. Однако в новых условиях было не до соблюдения формальностей. Тем более что муж двадцатибунчужной танши народа Волка по своему положению в феодальной иерархии Степи в переводе на земные звания мог считаться если не маршалом Советского Союза, то уж точно не ниже генерал-полковника. За ним, вернее за его супругой, стояло примерно десять тысяч кибиток, или до ста тысяч человек, пусть и считая жен-

щин, стариков и детей. Весьма немало по нынешним временам, учитывая, что и женщины тут неплохо обращаются с луком, а дети ходят в походы с тринадцати лет. Неудивительно, что при выходе Семена на трибуну все кочевники почтительно приветствовали его. Исключение составил только Гохосс-Са — второй из присутствовавших здесь ханов. Он лишь махнул рукой, благожелательно улыбнувшись своему «младшему брату».

Макеев вспомнил короткую объективку, составленную на этого типа Костюком. Из нее следовало, что почтеннейший Са — самый хитрый, коварный и ловкий политик в этой части Великой Степи. Пока что он, хотя и был, конечно, «серой лошадкой», но внешне выказывал землянам дружелюбие. Но вот ждать от него можно всякого...

Лыков был одет совсем не по уставу. В стеганный золотом халат, подпоясанный золотым же кушаком. На голове — остроконечная шапочка, напоминающая то ли узбекскую тубетейку, то ли войлочный шлем, типа революционной буденовки. На поясе сабля в усыпанных самоцветами ножнах и такой же богатый кинжал. Вместо положенных яловых офицерских сапог — щегольские сапожки из верблюжьей кожи с загнутыми сверху носками. Некоторой пародией выглядели парадные погоны с четырьмя капитанскими звездочками, нашитые на халат, — единственный намек на принадлежность замполита к офицерскому сословию.

«Вылитый Сухэ-Батор!» — усмехнулся про себя Макеев, разглядывая орлиную статью друга.

Сумеет ли только найти подходящие слова, чтобы убедить союзников взяться за то дело, ради которого и затевалось нынешнее мероприятие? Вроде уже больше полугода живет среди кочевников. Должен был хоть немного выучить их нрав и повадки. Тут простой партийной трескотней не возьмешь — не та аудитория. Цветистая риторика уже и на Родине порядком задолбала, и умные люди ее пропускают мимо ушей. Надо бы, конечно, что-то менять, но... в конце концов, это не его ума дело. Ладно. Хорошо бы тут, на Аргуэрлайле, начиная все буквально с нуля, не наделать былых ошибок и впрямь построить новый мир, где те, кто был ничем, станут всем.

Замполит между тем начал доклад. Как и предполагал Макеев, речь была составлена из расчета в первую очередь на гостей из Степи, чем адресована к землянам. Последние и так знали сложившуюся в Октябрьске и вокруг него ситуацию, как свои пять пальцев. Поэтому Лыков обошел стороной анализ причин катастрофы, больше сосредоточившись на возможных последствиях.

Кратко охарактеризовав внутреннее положение в остатках ОГСВ, которое, несмотря на имеющиеся сложности и проблемы, отнюдь не было безысходным, Семен перешел к обрисовке внешнего положения города и Степи. Тут он перешел на местный язык, не стесняясь укра-

шать свою речь цветистыми выражениями, приличествующими скорее местному сказителю. Он клекотал по-орлиному, картинно взмахивал рукой, воздевая указующую длань вверх, словно обращаясь к авторитету небожителей. Да, вещал он, недавнее нашествие мерхтонов удалось отбить, но кто сказал, что оно будет последним? В Степи издавна шла вечная война, враг мог ударить откуда угодно. Лыков напоминал о Конгрегации, где вновь могут возобладать враги землян и вольных кочевников, о Сарнагарасахале и не успокоившихся слугах Черного Солнца, об империи Эуденоскаррианд, о неведомых областях северо-востока, откуда иногда приходили волны кровавых нашествий. И только единство и прочный союз всех племен, родов и княжеств даст им возможность жить, не думая о том, что завтра их семьи станут кормом для стервятников.

Речь Лыкова не раз прерывалась одобрительными возгласами, а завершилась аплодисментами землян и грохотом рукоятей плетей о кресла — кочевники были поражены таким красноречием чужинского сардара. Большинство из них не могло говорить и десяти минут кряду. Явно само Вечное Небо и Священная Луна дали мужу Ильгиз Сем Ену вдохновение. Однако ж надо было подумать, посоветоваться. Подобные дела в спешке не решаются.

Конечно, степняки в общих чертах знали, зачем их приглашают в бывший мертвый город Тхан-Такх. Лыков заранее оповестил их о том, что затевают пришельцы. Было время поговорить внутри каждого племени, в общих чертах определиться. В итоге в столицу чужинцев приехали те вожди, которые в целом были согласны с идеей подписать договор. И все же следовало утрясти детали.

Земляне хорошо понимали ситуацию и не торопили возможных союзников. В конце концов, собрание только открылось. Причем провести его следовало за сегодня и завтра. Не потому, конечно, что таков был регламент — не было никакого регламента. Просто по давнему обычаю большинству кочевых народов возбранялось оставаться за стенами города дольше чем на одну ночь.

Председательствующий объявил перерыв до завтра и пригласил дорогих гостей на пир. Степняки оживились. Наконец-то. Давно пора было вспомнить о традициях. Не все решается на голодный желудок и трезвую голову...

Сидя во главе пиршественного стола, машинально улыбаясь и поднимая одну заздравную чашу за другой, Александр размышлял.

Собственно, чем бы ни кончилось это собрание, значило оно одно — все его спутники смирились с тем, что помощи не будет и врата не откроются ни сейчас, ни... Скорее всего, никогда больше.

Сам Макеев уже давно приучил себя к этой мысли — по старой привычке готовиться всегда к худшему.

Что-то там не получилось, не срослось. У ученых ли мужей или отцов-командиров, неважно уже. Также неважно, по какой причине.

До него доходили какие-то слухи о зловещих предсказаниях, сделанных местными и своими магами, да и без них — едва ли не ежегодные учения на тему действий в условиях ядерной войны оптимизма не прибавляли. Возможно, все было проще — не оправдавший надежд проект закрыли раз и навсегда или до лучших времен (что обычно означает одно и то же) — как это водилось у них частенько.

А может быть, как он подозревал все чаще, кто-то или что-то просто захолопнуло дверь между мирами.

Пожалуй, это сознание оторванности от всего мира было самым тяжелым в их положении. Если на то пошло, то лишь надежда на чудо, на то, что за ними вернуться, что не бросят своих, поддерживала их в прошедшие месяцы, которые стали для землян куда большим испытанием на прочность, чем все те победоносные войны и походы, которыми был заполнен год после их вторжения сюда.

К тому же думать было особенно некогда. Минувший год прошел в тяжелых трудах по хоть какому-то обустройству на этой земле.

Пусть не было острой нужды беречь каждый патрон и каждую гайку, еще возможные угрозы были далеко на севере и востоке, еще витала над ними тень прежнего могущества державы, находящейся по ту сторону грани, разделяющей мира.

Все силы и время отнимали трудные, но понятные и необходимые дела.

Для начала им пришлось собрать в городе всех рассеянных почти по полутора сотням тысяч квадратных километров соотечественников. Да еще вдобавок к ним — аборигенов, опрочетчиво (и слишком тесно) связавших свою жизнь с чужинцами.

По этому поводу среди командиров были споры, но возобладала мысль, что бросить тех, кто им доверился, было бы не только недостойно (если не сказать — подло) советских людей, но и опасно. Мало того, что наверняка это сочли бы признаком слабости, но кто, скажите на милость, станет иметь дело с трусами и предателями.

Это было воистину спасительное решение. Ибо именно аборигены стали их помощниками и советчиками в этом мире, именно они давали неоценимые советы по части местной жизни и порядков. Без этих советов они наверняка бы не сумели протянуть этих месяцев. Именно местные подсказали, что надо любой ценой сохранить торговлю и хорошие отношения с купцами, они сумели наладить старые кяризы и собрать урожай. А были еще и всякие ремесленники, владевшие всеми теми мелкими умениями, без которых невозможно представить жизнь — от сапожного дела до гончарного.

А еще предстояло собрать оставших и беглецов (майор решил отложить до лучших времен вопрос о дезертирах). Надлежало проду-

мать и организовать оборону города и как-то заново договориться с соседями и союзниками, постаравшись, чтобы те не стали бывшими. В конце концов, наладить хоть какую-то власть — желательно подходящую для текущего момента.

Они стаскивали сломанную технику с «точек» и постов — сколько же добра оказалось брошено в спешке!

Начальник тыла гарнизона, или как его все чаще называли по примеру местных жителей — войсковой казначей, Иван Петрович Добняк, старший прапорщик (чей газик просто не успел к закрытию дромоса, провалившись в овраг), проявлял совершенно зверское скопидомство, таща в свой НЗ каждый подшипник, каждый не до конца прогоревший поршень и каждый гаечный ключ, случайно найденный при разборке на металл сломанной машины.

По этому признаку с ним мог сравниться лишь начпрод, ефрейтор Власенко.

Ночами не спали над скверно вычерченными картами окрестностей, разрабатывая планы обороны, схемы распределения мангрупп и прикидывая возможность маневра огнем для скудного артиллерийского состава гарнизона.

А вспомнить, сколько было мучений с переводом двигателей на местное топливо — как маялись, смешивая в разных пропорциях конопляное масло, перетопленное баранье сало и самогон. Как, матерясь, разбирали забитые копотью картеры и карбюраторы...

Впрочем, старшему лейтенанту Бурову приходилось еще хуже. Выходящее из его с грехом пополам сляпанной пиротехнической лаборатории вызывало страх — и, прежде всего, у самих бойцов. Однако произведения главных механиков — капитана Бровченко и Эгорио Самтара, в прошлом войскового кузнеца империи Сарнагарасahal, выглядели еще страшнее.

Да, работы был полон рот, предаваться унынию некогда.

А ведь были еще рейды против осмелевших разбойников, вновь начавших было пощипывать купцов и крестьян, было и сопровождение караванов.

Жизнь также брала свое. Некоторые офицеры и солдаты женились, кто на дочерях окрестных земледельцев и ремесленников, кто даже на привезенных торговцами рабынях.

И даже сам Макеев начал приглядываться к Алтен. Ну и что, что колдунья? Зато умница и красавица. Да и в бою не раз проверена. Чем не офицерская жена?.. Да все времени объясниться не было...

За всем этим как-то было недосуг внимательно прислушиваться к новостям из-за рубежей их княжества. Мир для землян, как для их далеких предков, вновь съезжился до городских стен и горизонта.

Мимо них прошла странная смута в Холми, когда его некоронованный король, великолепный Эйгахал Коцу, вдруг отрекся от власти

и с горсткой сторонников удалился в добровольное изгнание — куда-то в земли севернее Эуденоскаррианда. За этим последовал раскол на две не то общины, не то партии, но при этом формально ковен не разделялся.

Что там происходило у магов, достоверно сказать не могли даже подчиненные Макееву чародеи — этого вообще, похоже, никто не мог объяснить.

Пришли вести, что вспыхнула гражданская война в Сарнагарасале. Потомки старой знати — не всех их вырезали жрецы за почти тысячелетнюю историю (резали-резали, да не вырезали!), городские старейшины и вообще какие-то непонятно откуда взявшиеся люди занимали города, собирали армии и шли войной друг на друга за право возглавить единую державу, очень быстро превращающуюся в скопище свободных и независимых пепелищ.

Окраинные владыки и царьки, те, кто был поумнее, в драку не лезли, зато масла в огонь подливали лихие набеги кочевников. Многие роды и даже племена просто уходили в бывшие провинции империи, что когда-то были владениями степного народа, и оседали там, превращая поля в пастбища и облагая земледельцев данью — тех, кто не попал под горячую руку — точнее саблю.

Воспрянули было и поклонники Черного Владыки, начавшие собирать свою армию в отрогах Северного хребта и даже провозгласившие Поход Возрождения.

Вот тут Макеев, да и его подчиненные не на шутку встревожились. Если эти победят, то не успокоятся, пока все уцелевшие земляне не окажутся или на возрожденных алтарях Шеонакаллу, или в рабстве. Выручил старый Гаэрил Железный Дуб, неожиданно атаковавший лагерь возрожденцев и полностью вырезавший всех, кого настигли его всадники. Но это благодеяние, оказанное им землянам, оказалось последним — спустя месяц хан умер от неведомой болезни, с которой не справились даже чародейки ковена Грайни.

За этим последовало отпадение четырех племен, которые не пожелали подчиняться женщине и «жене чужинца». Но оставшиеся сохранили верность его дочери.

На курултае Ильгиз удалось взять в свои крепкие ручки вождя народа Волка. Кого лаской, кого таской, кому-то пообещав новые пастбища, кому-то напомнив, чем он обязан отцу и что боги обычно карают за неблагодарность, а кому-то вовремя напомнив, что соседние племена тоже не прочь разжиться пастбищами, стадами и водопоями.

И стяг с тамгой Ильгиз по-прежнему украшал немало бунчуков.

Так супруга старшего лейтенанта Семена Лыкова стала танши — первой степной царицей за минувшие полвека.

Но вот когда все успокоилось, и пришло окончательно осознание

того, что их бросили тут, у закрытого портала, что они в этом чужом и чуждом мире — навсегда.

Навсегда.

Именно сочетание двух этих слов — *навсегда* и *никогда* и давило беспощадно на каждого из них — и на офицера с незаконченной академией, и на дипломированного ученого, и на серого стройбатовца.

Кто-то застрелился, кто-то спился — и никакая магия не помогла, а несколько человек буквально исчахли, истаяли от пожиравшей их изнутри тоски и нежелания жить — так определили их болезнь все те же маги. Удалось спасти лишь двоих из дюжины...

Когда разговоры об этом стали почти открытыми, Александр совсем уже было решил собраться всем и решить, как действовать. Но это пришлось отложить — пару месяцев назад пришли тревожные вести. На западе Бесконечной Степи объявилось дикое племя многочисленных темнолицых кочевников, именующих себя мерхтонами, начавшее теснить союзников. Племя Волка послало людей на помощь, но отряд был разбит и уничтожен. И тогда Макеев сам вызвал-ся помочь.

И дело было не в прекрасных глазах танши Ильгиз, конечно.

Сами пришельцы вряд ли бы дошли до Октябрьска, но вторжение грозило стронуть с насиженных мест десятки, сотни тысяч табунщиков и пастухов Степи, а те, в свою очередь, должны были потеснить соседей.

Как знали земляне — и из собственной истории, и из местных легенд, подобное перемещение народов всегда предвещало великие бедствия.

Макеев популярно объяснил это на военном совете сомневающимся, наглядно показывая возможное развитие событий на недавно вычерченной карте Аргуэрлайла.

— Смотрите, — вещал он, — они идут на юго-запад. Значит, выдавят риртов на юг, а те навалятся на восточных кэрулов, одновременно сбивая со старых кочевий хукаров и теорингов. И вся эта толпа явится сюда, лишённые своей земли, голодные, злые...

— Верно, — закивал союзный пятибунчужный хан Тром. — Так пришли когда-то в Степь и наши предки, только с юга.

И добавил, как-то не по-хорошему усмехнувшись:

— Руины городов царства Зоттар до сих пор торчат над степью...

Поход вышел дьявольски трудным. Ломались детали, казалось, вполне надежные и которых по какой-то непонятной причине не оказывалось в старательно собранных Довбняком «запасках». Глохли движки на непривычном горючем. Приходилось бросать машины, снимая с них все, что можно.

По дороге пропало несколько человек, причем ни маги, ни шаманы, прикрывавшие отряд, не поняли, в чем дело.

И когда поредевшая колонна наконец вышла в место сбора войск союза племен, над которым вздымалось двадцать два бунчука хана Сем Ена, обгоняя ее, туда уже добралось прозвище угэн-зарапш — погонщики черепах.

Едва почти вся боеспособная техника с горем пополам выдвинулась к месту грядущей битвы, то выяснилось, что пришлецов не жалкие пятнадцать тысяч, как сообщали союзники, а как бы не все сорок.

Пожалуй, у них бы ничего не вышло. Просто не хватило бы взятых с собой боеприпасов. Но Макеев буквально в считанные минуты нашел выход. Собрав кулак из бронемашин, он рванулся прямо через ряды конных и пеших врагов туда, где возвышались бунчуки ханской ставки врагов, и расстрелял всех, кто там оказался, из пулеметов, а потом еще вбил в землю колесами. Та битва стоила им еще трех машин, спаленных шаманами врага, а еще в одной умер экипаж от неведомого черного колдовства.

Но враг был разбит, и остатки мерхтонов бежали обратно в свои дикие дебри и урочища.

И вот тогда на победном пиру Ильгиз, улучив момент, подошла к Макееву, уже слегка осоветшему от молочной водки и вина из диких ягод, и в нескольких словах изложила план, который они потом вместе с ее супругом и еще Алексеем Костюком втроем довели до ума.

Первое впечатление от предложения было — что за чушь? Но потом, по мере размышлений, по мере обдумывания, Макеев только восхищенно качал головой, ибо эта девчонка, на Земле еще учившаяся бы в школе, была, пожалуй, умнее всех вождей на сотню конных переходов вокруг и могла потягаться с великими правительницами Земли, вроде Екатерины II или Елизаветы I Английской.

Впрочем, немало добавили и они с Костюком, тоже не лыком шитые, в отличие, кстати, от (вот каламбур к случаю!) Лыкова, который, похоже, уже привык смотреть дорогой супруге в рот.

Было в предложенном плане много сомнительного, была откровенная демагогия, рассчитанная на простодушных степняков, и даже мелкое жульничество. Но дело того стоило — маленькой колонии землян, а заодно и всем местным жителям-степнякам будет при удаче обеспечено лет десять — пятнадцать большого мира и процветания. А там можно будет сделать новый шаг, когда простые пастухи поймут, что пасти свои стада лучше, чем чужие, а родовые старейшины — что иметь хана вовсе не обязательно, вернее, достаточно одного на круг племен, так меньше баранов будет сожрано и кумыса выпито.

Десять лет мира — вот что им нужно. Только десять! Дальше все пойдет само, как цепная реакция. И если она пойдет правильно, то мо-

жет быть когда-нибудь из вот этих степей в небо взлетят космические корабли.

Октябрьск/Тхан-Такх. Штаб ОСД ОГСВ

Макеев еще раз изучил лежащий перед ним исчерканный листок, с легкой печалью посмотрел на пару скомканных бумаг черновика в мусорной корзинке. Бумаги у них хватает, по крайней мере, пока.

Незадолго перед аварией у них наконец-то решили выпускать фронтową газету. Для ее выпуска им пригнали из Туркестанского округа снятую с длительного хранения походную типографию — десяток машин, содержавших линотипный наборный цех, тигельные печатные машины, цинкографию, редакционный комплекс с рабочими местами для литературных сотрудников, корреспондентов, машинисток и даже телетайпную связь. Плюс всякую мелочь вроде своей дизельной электростанции и даже полевой кухни. Ну и само собой целый склад газетной бумаги. Да вот незадача, при пробном запуске дизель-генератор аж пятьдесят третьего года выпуска загорелся, спалил и электростанцию, и половину фургончиков. Так ОГСВ осталась без газеты, а они соответственно с бумагой.

Да, бумаги пока хватает, а как кончится, придется, видимо, на бараньи шкуры переходить, как жрецы и шаманы степняков.

Майор перечитал бумагу и так и эдак. Все вроде правильно. Но подписать этот листок значило перешагнуть невидимую черту, за которой останется слишком многое. Однако другого выхода не оставалось.

Перечитал еще раз неровные строчки.

Приказ № 091 по Отдельному сводному дивизиону ОГСВ

В связи со сложившейся обстановкой, приказываю:

1. С сего числа — 1 июля месяца 1984 года (Год Низкой Луны, месяц Жары, девятый день) считать Отдельный сводный дивизион ОГСВ расформированным.

2. На его основе сформировать силы самообороны г. Октябрьска и прилегающих территорий, исходя из принципа разумной целесообразности.

3. Личный состав дивизиона за исключением служащих сил самообороны считать находящимися в бессрочном отпуске.

4. Всех офицеров, прапорщиков и сверхсрочнослужащих считать зачисленными в состав сил самообороны, за вычетом необходимых для существующих и вновь формируемых гражданских служб г. Октябрьска и прилегающих территорий.

5. Упразднить Октябрьскую военную комендатуру.

6. На основе подразделений и личного состава военной комендатуры сформировать органы гражданской власти на соответствующей территории, в дальнейшем именуемой городом-республикой Октябрьск, или Октябрьским особым административно-территориальным образованием (названия равноценные).

7. До окончательного утверждения порядка управления считать высшим органом власти на всей территории бывшей зоны ответственности ОСД ОГСВ Совет народных представителей (он же курултай), с включением в него наряду с советскими гражданами представителей местного населения.

8. Передать Совету (курултайю) всю полноту власти, включая право командования силами самообороны, вопросы уголовного наказания, внешних сношений и т. д.

9. Председателем Совета (курултая) вплоть до проведения выборов временно назначить майора Макеева А. П.

Вздыхнув, он макнул стальное перо в чернильницу и размашисто расписался, выводя каждую букву:

«ВРИО командира Отдельного сводного дивизиона, майор Советской армии Макеев А. П.»

«Вот и все!» — устало подумал, откинувшись на спинку кресла.

Рука не дрожала, и перо не выпадало из рук, как писали старинные романисты, — видно потому, что к этому дню он шел почти полгода. А вернее даже с того самого дня, когда увидел пустоту на месте входа в дромос и все понял.

Понял, что их тут бросили, так как поверить, что их действительно могли забыть, он не мог — сколько бы ни ругали сослуживцы и он сам родной армейский бардак, но уж слишком за гранью была подобная мысль.

Конечно, оставалась ничтожная вероятность, зудевшая в мозгу спасительной мыслишкой, что ученые умники во главе с этим сыном члена Политбюро просто ошиблись со сроками схлопывания межпространственного коридора. Ведь и вправду — дело-то новое, можно сказать, первый опыт (чертовы ученые крысы, не могли сперва на мышках потренироваться!). Именно так он объявил на первом общем собрании всех тут оставшихся, и именно так, по крайней мере на словах, думали его товарищи.

Да только вот Макеев все же не первый год служил в армии — подольше большинства офицеров, учился на высших стрелковых курсах, готовился в академию... Наконец, успел побывать «за Речкой», а это школа, стоящая любой академии (для того, кто хочет учиться, само собой). И понимал, что будь так, не стали бы товарищи генералы ни с того ни с сего выдергивать со всех частей народ и собирать в это

непонятное подразделение прикрытия (прикрытия чего?), не попали бы в него по странному стечению обстоятельств почти все женившиеся на местных девушках или заведшие постоянных подруг... Наконец, не стали бы держать эти самые «части прикрытия», дожидаясь неизвестно чего по эту сторону дромоса, а вывели бы сразу за основными силами. И особенно подозрительно, что в этом заслоне не оказалось ни одного особиста, хотя в подобных частях они обычно имеют место быть в сверхкомплектном количестве.

Но, не подавая виду, Александр поддерживал в своих товарищах и подчиненных веру, что несчастье произошло случайно, что их не бросят, не могут бросить, что вновь пробьют проход между мирами — как когда-то на Большой земле спасали вопреки всему нуждавшихся в помощи из полярных льдов и штормового моря.

Делал это не из чувства долга, хотя и продолжал чувствовать себя офицером Советской армии, а потому что не мог отнять у тех, за кого отвечает, еще и надежду с верой.

Напротив, они старательно готовились к выводу, время от времени отработывая быструю эвакуацию; по его приказу выставили специальный пост с ракетой и сигнальными ракетами в месте, где дромос выходил в Аргуэрлайл.

Но одновременно, как бы на всякий случай, Макеев принимал меры на предмет, как казенно формулировал он на совещаниях, «долговременного пребывания в точке базирования».

И как теперь понимал, он был прав на все сто, ибо надежда вернуться давала землянам силы.

Но нельзя бесконечно обманывать себя и других. И все чаще на штабных посиделках при дежурных словах о возвращении майор ловил на себе взгляды подчиненных. То злые, то исполненные тихого отчаяния, то насмешливые, мол, видать, полный дурачок их командир.

Александр в отличие от большинства сокурсников не игнорировал занятия по специальной психологии в училище и поэтому знал несколько нехитрых правил. Во-первых, в критической ситуации за командиром пойдут, пока ему верят, а верить ему будут, лишь пока он верит сам в себя. Во-вторых, в критической ситуации можно отдавать приказ, который будет выполнен, потому что первый же невыполненный приказ станет, скорее всего, последним приказом, отданным тобой.

И поэтому он и начал по очереди беседовать то с одним, то с другим офицером, сержантом, рядовым, приглашать к себе магов и местных старшин.

Так вот и родился этот документ.

И прежде чем встать и выйти в соседнюю комнату этого бывшего дворца давно забытых властителей, где сидит его штаб, еще не знающий, что с этой минуты они все уже по сути перестали быть солдатами, Александр вспомнил, как это начиналось...

— Итак, товарищи,— оглядел Makeев собравшихся.

Хотел было пошутить, добавив что-то вроде: «Юбилейное заседание, посвященное благополучно прожитому четвертому месяцу существования нашего дивизиона, прошу считать открытым», но уж слишком уставшими и осунувшимися были лица у людей.

— Чтобы даром не терять времени, думаю, что настало время подвести некоторые итоги. По месячной давности распоряжению штаба каждый из вас собрал информацию о, так сказать, ситуации на своем участке ответственности. Чем мы располагаем, и соответственно из чего следует исходить при планировании дальнейших действий. В различных вариантах и ситуациях,— многозначительно добавил он.— Пусть начнет... ну, хотя бы ты, Иван,— обратился он к капитану Бровченко, своему замполтеху.

— В распоряжении сводного дивизиона,— слегка грассируя, начал тридцатилетний танкист, нервно одернув китель,— имеется три танка Т-64, правда, к сожалению, два из них не на ходу, собственно, почему они тут и остались.

Собравшиеся закивали — история с двумя танками, застрявшими на Двадцать третьем форпосте из-за того, что по милости придурка-комвзвода с говорящей фамилией Гадлоев у них спалили передачи, была известна всем. Кстати, сам взводный благополучно эвакуировался, а вот оба экипажа кукуют тут...

— Как вытащить их, мы пока не придумали, но работаем над этим. Но не волнуйтесь, товарищи, — зачастил Бровченко, — в крайнем случае снимем с них все ценное, сдернем башни и приспособим в Октябрьске под доты.

Танкист явно нервничал, хотя и не из-за службы. Скоро предстояло рожать его супруге, юной Читтак из рода Хоррисан, а с медициной, между прочим, у землян конкретно ухудшилось.

— Имеется также... — Он взял со стола неровно обрезанный лист неважной бумаги. — Бронетехника — двадцать четыре БТР-30 и семнадцать БТР-1, шесть БМП-2; КШМ — две, МТЛБ — одна. Автомобили УАЗ-409А — восемнадцать штук. Грузовики ГАЗ-66 — сто тридцать пять штук, грузовики ЗИЛ-130 — пятьдесят шесть штук. Наличествуют еще передвижные ремонтные мастерские марки ПАРМ-1 — одна, мотоциклы «Урал» с коляской — четыре, автоцистерны — семь, из них две — водовозные, и два заправщика. Тягачи артиллерийские — два, хотя один еле жив, трактора универсальные «Беларусь» — три.

— Неплохо,— одобрительно произнес кто-то.

— Да, товарищи,— почему-то слегка покраснел капитан,— но вот какое дело... В основном техника битая, у иных машин ресурс выработан процентов на пятьдесят, а ЗИЛы в большинстве вообще не на ходу.

Makeев молча кивнул — да, они оказались счастливыми обладате-

лями кучи битой и ломаной техники, которую эвакуация застала разбросанной по площади в десятки тысяч квадратных километров. К тому же часть из нее попала к ним уже после ремонта... («А в ремонт — из Афгана», — для себя добавил Александр.)

— А что у нас по горючке? — осведомился начальник штаба, не по-балтийски смуглый и усатый капитан Роальд Вилкас из последнего пополнения.

— Вот с этим хуже всего, — вздохнул Бровченко. — Фактически только то, что было в НЗ, да еще двенадцать тонн бензина из застрявшего под Тремя Скалами бензовоза. Во время сбора техники в Октябрьске мы сожгли почти все, что было.

Собравшиеся встревоженно загудели, пара человек вполголоса выматерились. И было от чего. Без горючего техника практически бесполезна. А без техники им не продержаться не только до становящегося все более проблематичным нового открытия дромоса, но и, что называется, «вообще»...

— Постой, Иван, — буркнул Вилкас, — но горючее должно быть на Тринадцатой точке, у соседей на руднике? Туда его до фи́га возили, как я помню.

— В том-то и дело, — вздохнул зампотех. — Мы тоже так думали, но когда прибыли на рудник, оказалось, что там только груда пустых бочек. Как я понял, все истрчено на Эвакуацию. Разве что в главной емкости на дне было с полтонны — еле-еле ручным насосом выкачали.

— И шо будем делать? — едко спросил старший прапорщик Довбняк. — Или шо, лошадок станем в танки запрягать? Семен Васильич, — обратился он к Лыкову, дотоле молчавшему, — товарищ хан, у тебя там нигде во владениях нефть из земли не вытекает?

— Нет, — замполит воспринял вопрос всерьез, — ничего такого вроде не слышал, хотя могу поспрашивать... Нет, точно нет.

— Так шо делать будем? — повторил вопрос прапор.

— Ну, — нервно вздохнул Иван, — можно на спирту или газогенераторах, хотя с дровами тоже неважно... Дизель в принципе, как я помню, можно запустить на конопляном или подсолнечном масле, на ворвани.

— На сале! — хихикнул Довбняк.

— Я могу попробовать переделать движки, но тут есть свои проблемы...

— А конкретнее? Самогона не хватит?

— Это тоже, но главное — от нестандартного топлива механизмы будут глохнуть почем зря, гарь безбожно забьет картеры... В общем, ресурс сильно упадет, а с запчастями тоже проблема.

— Та-ак! — зловеще протянул Вилкас. — А с чем у нас еще проблемы?

• Контрудар •

Часть первая

ВЕТРЫ СМЕРТИ

*Грозный. Где-то между Ленинским
и Старопромысловским районами.
Конец января 1995 года.*

В развалинах царили холод и отчаяние. Стоял жуткий запах горелого мяса, солярки, человеческих испражнений и мясной сырой дух бинтов.

Полковник Снегирев посмотрел сквозь щель бойницы на улицу. Там почерневшими закопченными гробами исходили дымком три железные коробки: предпоследние бронемшины 119-го отдельного батальона, от которого и так осталось чуть больше половины. Это притом, что в нем изначально было всего-то три сотни активных штыков вместо положенных по штату пятисот.

Хорошо хоть оружие новое дали...

Хотя черта ли здесь хорошего?

Умирающий в двух шагах майор недавно жаловался Снегиреву, что это оружие им в Моздоке выдавали прямо со склада — в консервационной смазке и не пристрелянное. Он просил хотя бы несколько часов, чтобы привести его в порядок и пристрелять, но их сразу загнали в машины, а через несколько часов этот сводный батальон был уже введен в бой на усиление Сводного полка.

Тут почти все части сводные, или, как уже привычно зло шутят, «сбродные». Не осталось в армии полнокровных частей и соединений. Из дивизии собирается «сводный» полк, куда «забривают» всех, кто не может отвертеться — от юных офицеров только что из училища до особо упорных постояльцев гауптвахт. Но даже в «сводном» виде этот полк укомплектован процентов на шестьдесят от силы... Бывает, что не то что офицеры с солдатами, а даже члены одного танкового экипажа или орудейного расчета познакомились друг с другом уже на марше. Какое, к чертям, слаживание и сколачивание подразделений? Какая боевая подготовка?..

Позиция, где они засели, представляла собой просто старую тран-

шею — обычную, мирную, какую, наверное, рыли аборигены для ремонта теплотрассы.

В качестве тылового рубежа вполне подошла сгоревшая автостанция. На этом клочке земли тесно, плечом к плечу сидели оставшиеся живых бойцы 119-го. Кто дремал, поставив оружие между коленями, кто нервно догрызал сухпай. Возле пулеметов, выставленных в импровизированные бойницы, дежурили изможденные стрелки.

Тут были почти все, за вычетом экипажей двух последних БМП-2 — полтораста с лишним ставших похожими лиц, в разводах грязи и копоти, в комично торчащей молодой щетинке... Иные — в очках, за которыми блестящие усталые испуганные глаза. Совсем мальчишки... Полковник видел — люди буквально на пределе.

За его спиной послышался стон. Там на расстеленных бумажках умирал командир батальона майор Легойда. Близкий взрыв «Шмеля» пощадил командиру жизнь, но даже сумей они его сейчас каким-то волшебством перебросить в Москву, Легойду все равно ждала бы смерть — сгорело восемьдесят процентов кожи. Все было ясно и без врачей, в батальоне отсутствовавших, и даже не советуясь с ротными санинструкторами, каковых на весь этот несчастный батальон имелось ровным счетом три — такие же сопливые мальчишки из медтехникумов да еще выученные в нынешнее время...

Почему-то Снегирев ощутил свою вину перед этим малознакомым человеком. Хотя бы потому, что если бы батальону не навязали в последний момент их спецгруппу ФСК во главе с целым полковником, то может быть, и этот человек, и многие другие были бы живы...

Да черт бы побрал эту командировку!

Невесть откуда всплыла история со спрятанными материалами Чечено-Ингушского КГБ, которые будто бы успели спасти от разъяренных толп в папахах осенью девяносто первого честные офицеры. Да еще при этом припрятали часть неведомо как оказавшихся в столице бунтующей автономии архивов Грузинского КГБ. На кой черт сейчас могут понадобиться грузинские архивы, если нынче там сам черт сломит ноги и роги?! Власть старого лиса Шеварднадзе не распространяется за пределы Тбилиси, а недавние сторонники гоняют по горам и долам свободной и независимой Грузии свободного и независимого президента Гамсахурдиа. Снегирев подозревал, что там могли оказаться какие-то компрометирующие нынешних московских паханов документы... Ну да ладно, приказы не обсуждаются.

Он прибыл сюда по личному приказу Очкастого Пожарника со своей спецгруппой, остающейся одной из лучших в его «четырежды кастрированном», как шутил шеф, ведомстве.

Для спецназа ФСК эта война началась крайне скверно. Один отряд попал в плен (в плен!!!) в горах. Другой почти полностью погиб в результате диверсии. Несколько групп были брошены в Грозный в

новогоднюю ночь и почти все полегли. Так что пришлось импровизировать. А тут еще чертова секретность...

Тем не менее за неделю группа была готова. В ней кроме Снегирева были два офицера, два прапорщика и восемь солдат. Вот послали их на голову несчастным мотострелкам.

Хотя если подумать, то при чем тут они? Батальону не везло с самого начала. Уже взять хотя бы то, что они практически двое суток за чем-то торчали на Терском перевале под обстрелами. Причем такими плотными, что место расположения пришлось менять пять или шесть раз только за одну первую ночь!

Потом был марш наугад в этот кажущийся мертвым город, оглушенный грохотом стрельбы и освещенный пожарами. Под минометным огнем они добрались до разбитого консервного завода. Тут теплилось некое подобие жизни, стояли штабы каких-то частей и бронетехника, а рядом — распахнутые двери складов, заполненных консервированными соками и компотами. К ним постоянно тянулся людской ручей, уносивший консервные банки. Солдаты и гражданские вперемешку. За процессом присматривал патруль с красными повязками.

Какой-то солдат, отчаянно жестикулируя, рассказывал устроившимся в кружок на корточках с сигаретами товарищам:

— Говорят, раз ты водитель, будешь водителем бэтээр... А у меня всего пятнадцать часов наезда... Из всех, кто был на бэтэере и внутри, я один и остался. Выполз через люк в полу. Иначе никак, снайперы бы на раз покоцали! Командир пытался вылезти, но тут пуля в голову, да не простая, а крупнокалиберная. Башка вместе с каской, как арбуз... Тупые генералы... п... сы...

У въездных ворот с раскорячившимися рельсами из разбитого газопровода вырывался горящий газ. У огня сидели и грелись пьяные солдаты какой-то разведроты во главе с немолодым злым лейтенантом. Легойда решил было прихватить их с собой, но «летеха» нагло ответил, что они только что вернулись с передовой и в гробу видали всех. Или пусть ему принесут письменный приказ комполка. То ли от водки с местной бормотухой, то ли от избытка адреналина разведчики вели себя нагло и не уважили даже большие звезды. Так что Легойда чуть не дал командиру в морду, но, учитывая оружие на руках и возможные военные боевые заслуги парней, воздержался. Они двинулись в путь с десятком проводников из солдат разбитых штурмовых колонн.

Был путь по улицам. Был вокзал с высокими, разбитыми очередями окнами и развороченными танковыми пушками стенами, где на подъездных путях ярко горели неизвестно кем и зачем подожженные товарняки. Небо над взвизывающимся багровым пламенем казалось особенно черным. От огня ложились на снег неровные, беспокойные

тени, и казалось, что трупы, попадавшие на пути, ухмыляются им вслед, словно приветствуя будущих товарищей по несчастью.

Потом за них взялись всерьез. Первым взрывом сожгло командирскую машину, вторым — ту, в которой добиралась половина его группы.

Пережидая обстрел, они лежали между обломанными глыбами железобетонных стен. Время от времени кирпич звенел, рикошета шальные пули.

Тут и там среди обломков стен горбчатятся зеленые скаты касок и бронжилетов полутора сотен человек. Может, даже теперь и меньше.

Сегодня утром батальон получил задачу выдвинуться на усиление полка, занимающего оборону впереди. Да вот вместо полка оказались «чехи», а может командовавший передовой ротой старлей просто заблудился. И теперь по ним долбят из всех калибров.

Лежащий рядом со Снегиревым капитан зло бросил:

— Если они минут через десять не выдохнутся, мы обосремся. Оборотаться — не встать...

Огонь понемногу начал стихать. Не прошло и десяти минут после очередного выстрела, как принявший командование капитан Рыков решил действовать.

— Подъем! — негромко скомандовал он.

Из руин начали выползать солдаты. Вскоре весь дворик оказался наполнен людьми. Батальон поротно начал передвигаться от дома к дому. Ставший командиром капитан, группа управления, а с ними и Снегирев шли предпоследними.

По пути попадались разбитые снарядами дома, раздавленные «жигули», обгорелые БРДМки и БМДшки с еще видневшимися из-под копоти символами ВДВ — два парашюта и звезда... Полковник с минуту рассматривал подбитую БМД-2, точнее то, что от нее осталось: груды железа с лужами крови на закопченном льду вокруг и раздробленными костями, валявшимися у перекошенных дверей. Кости были явно обглоданы — тут попиrowали уже отведавшие человечины бродячие псы... Кого-то из солдат стошнило, а полковник подумал, что все только начинается...

— Одним полком, суки, — процедил капитан и вполголоса выматерился — зло и заковыристо, поминая власть предержавшую и отцов командиров в совершенно непредставимом сочетании.

Снегиреву оставалось лишь молчать. А что тут скажешь?

Похоже, разум, и без того в последние годы в бедной России не особо частый гость, окончательно покинул людей с большими звездами. Сперва наступление танков «оппозиции» на город, а затем кошмар новогоднегo штурма.

Говорят, в Генштабе рассчитывали, что чеченцы будут праздновать... В результате все три бригады в считанные часы дошли до центра,

после чего встали, сочтя, что выполнили задачу. И тогда с верхних этажей, из подворотен по колоннам ударили сотни гранатометов.

Смертельно опасные в «правильном бою», но беззащитные, неуклюжие в городе, танки и бронемашинны вспыхивали, как свечки. Как вспоминали немногие уцелевшие, колонны уничтожались за считанные минуты.

Хуже всего то, что войска имели недвусмысленный приказ: от техники не отходить, в дома не входить. Найти бы идиота, отдавшего его!

Экипажи, пехота, боекомплект — все было в технике, команду на развертывание никто не давал. Никто и не прятался, не рассредоточивался. А гранатометчики били с крыш, куда даже при максимальном угле возвышения танковой пушке просто не достать. БМП, БТР, САУ, старички Т-64 и рота новейших Т-90 — все одинаково хорошо горели. Из нескольких сотен машин, вошедших в город, обратно вырвались всего несколько штук. А живая сила спаслась лишь потому, что, «не выполнив задачу, была выведена из города». То есть в беспорядке отступила.

Снегирев читал тогда отчеты и тихо ужасался, хоть после Ферганы, Карабаха, Ингушетии, после танковой пальбы в столице уже можно было привыкнуть.

Потом, после провала новогоднего штурма, в Кремле окончательно закусил удила. А может, просто испугались...

И вместо того чтобы окружить Грозный, взять его измором, на худой конец, отойти за Терек, сделав вид, что все идет по плану, бросили наспех собранные войска на новый штурм.

Последствия Снегирев наблюдает воочию.

Части, посланные в атаку, без четкого взаимодействия, организации единого боевого управления, связи, заблудились, перемешались и практически остались в одиночестве. Никто не знал, где соседи, где противник. В такой неразберихе побеждают простейшие инстинкты — бить по всему, что движется. И били друг по другу, пока оказавшийся на диво хорошо организованным противник не стал бить по ним.

Выведенные на прямую наводку Д-30, которых у «незаконных вооруженных формирований» по данным разведки не было (вернее, «почти не было»), крушили броню и сметали идущую в слепые контратаки пехоту. Вражеские снайперы спокойно отстреливали бестолково мечущихся командиров. Брошенные на вырубку спешно направленные из Моздока отряды ОМОНа предпочли «закрепиться на окраинах», то есть уныло врылись в землю, потихоньку мародерствуя, пока рядом истекали кровью и гибли несчастные солдатики, кинутые в бой чуть ли не сразу с призывных пунктов...

Пока полковник пребывал в раздумьях, они потихоньку продолжали двигаться вперед.

Школа.

Детский сад, вернее то, что от него осталось.

Кинотеатр.

Открытое поле между домами. И на этом пространстве стоят врытые в землю бетонные плиты. Перед ними почерневший танк и пара раздетых трупов.

Снегирев еще успел подумать, что для засады лучшего места не найти, когда...

Все началось в считанные секунды, началось так внезапно, что они растерялись. Что-то орали в мегафоны командиры, вслепую высаживали рожки мотострелки, но все было напрасно. Бронемашины слепыми котятками тыкались между домами, и отовсюду стреляли, строчили, летели гранаты.

Задымил головной броник. Закрутилась на разорванной гусенице вторая машина.

Потом — тяжелый удар и звон в ушах. Ошалело крутя головой, полковник почувствовал запах взрывчатки и раскаленного металла и понял — в них попали.

Он полез в проход между креслами и сразу наткнулся на наводчика, безжизненно свесившегося из кресла. Взял его за висевшую плетью кисть, попробовал нащупать пульс. Тот не прощупывался. В отблесках подбирающегося пламени были видны остекленевшие глаза и перекошенный предсмертной агонией провал рта.

Зарывав, Снегирев влез на вращающееся кресло, закрутил рычаг маховика. Башня с легкостью поддалась, разворачивая пулеметы в направлении кинотеатра, откуда в полный рост, не прячась, безнаказанно расстреливали его бойцов враги. Не американцы, не афганские «духи», не немцы или турки, а свои собственные граждане, россияне.

— Вр-р-решь, не возьмешь!!!

В остервенении нажал на спуск. Посыпались гильзы, но, оглушенный яростью, полковник не слышал ни звона падающих гильз, ни грохота очередей.

Он еще стрелял, когда в машину угодила вторая граната...

Боль в животе вернула его в сознание. Полковник Снегирев видел себя словно со стороны, обвисшим на руках бойцов. Среди них сквозь мутную пелену узнал и прапорщика Пашкова. Должно быть, он его и спас, успев вытащить из машины до того, как та сгорела.

В зимнем ночном небе холодно поблескивали звезды.

И в какой-то момент происходящее показалось нереальным, недоступным для разума. Ночным кошмаром, который обязательно улету-

чится с лучами восходящего солнца, сценой из голливудского блокбастера. Но мучительная боль заставляла поверить в реальность.

Это был не сон, и что случилось, то случилось. Он ранен, и ранен скверно. Даже полковников, случается, ранят и убивают.

От кровопотери кружилась голова, но полковник пытался вспомнить, что произошло. Последнее, что он запомнил, — это полный едкого дыма бронетранспортер. А перед этим...

Его снова вырубил, и, видимо, на этот раз ненадолго. В память врезались звучные удары — Пашков разнес очередью дверь подъезда, высадив остаток магазина в то место, где обычно крепился замок нового домофона. Потом затащил его в квартиру.

— Его надо перевязать! — звенел в ушах голос прапора. — Он же кровью изойдет.

Потом полковник чувствовал неловкие, причиняющие боль прикосновения. Его неумело перебинтовали, вкололи промедол. Наркотик подействовал, горячая волна обволокла его, закружила голову, потолок вдруг стронулся, и комната завертелась в дьявольском хороводе.

Затем до него донеслись разговоры.

— Рядовой Еремеев...

— Танкист?

— Так точно. Из 131-й «сводной» бригады, трицц прапрщик! А медаль аль орден за полковника дадут, ежели вытащим?

— Угу... Ты сперва вытащи, — басил Пашков. — У тебя хоть документы есть, чтобы знать, куда весточку слать, если убьют?

— Никак нет. Ротный собрал, трицц прапрщик!

— А как хоть зовут ротного твоего?

— Не знаю. Нас ему первого передали, аккурат в Новый год. Не успел запомнить.

— А где он сам?

— На «Минутке» сгорел, трицц прапрщик...

Пашков что-то спросил.

— А что я мог, трицц прапрщик, — словно оправдываясь, ответил рядовой. — У нас все приборы сгорели. Я ж не знал, как с этим делом шурупить. Меня в учебке только ать-два-ать-два гоняли да полы заставляли мыть вместо дедов... Досыта не ел... Какая ж тут учеба-то?

— И чего?

— Ну я все и сжег. Связи нет... Ночной прицел отказал. Работать можно было только на поворот башни и на стрельбу.

Снегирев вспомнил, что и об этом писали отчеты. В штурмовые колонны послали напичканные электроникой танки Т-80. Да только вот не учли, что разрабатывалась она из расчета на советского призывника, при этом хорошо подготовленного, а не на теперешнего двоечника, у которого одно пиво да «качалки» на уме. (И хорошо, если пиво, а не

клей и не «колеса») И в результате вся эта электроника была пожжена на неумелыми действиями экипажей. Ни связи, ничего.

Господи, а ведь это всего-навсего маленькая взбунтовавшаяся автономия во главе с чокнутым генералом! Что же будет, если, не дай бог, приключится что посерьезнее?! Хотя, похоже, ему этого уже не узнать...

О своей возможной скорой смерти полковник Снегирев подумал спокойно и отстраненно, как о чем-то не особо важном.

Повисло молчание

— Триц прапращик, — вновь подал голос Еремеев. — А вы триц полковника как выносить будете? Ежели он в живот ранетый, то его трогать нельзя...Может, кто-то останется, а кто-то к своим выйдет?

— Где теперь свои-то?

Голоса достигали его разума искаженными, он плохо понимал, о нем ли идет речь, или о ком еще...

— Не дотянет...

— Как его угораздило?..

— Пулевое и два осколочных...

— Легкое задето... И кажется, почка...

— П...ц ему!

— Х... вам, а не п...ц! Я не сдохну! — закричал полковник. — Не сдохну, слышите?! — Кто-то склонился над ним. — Я не сдохну, — упрямо шептал Снегирев. — Пашков, Пашков, ты слышишь меня?

— Слышу, товарищ полковник...

Потом он вдруг увидел что-то и потянулся к автомату, и тут же схватился за перебитую метким выстрелом руку, а в комнату ворвались черные тени.

До них все же добрались...

Мрак навалился на Снегирева, закружил, втягивая в бездонный, стремительно вращающийся колодец.

«Я умираю, — успел подумать он. — Ну и хорошо...»

Аргуэрлайл. Великая Степь. К востоку от Шароры.

Год Белого Солнца, месяц Цветения Трав по степному календарю

Пыль ложится на изможденные лица, на тряпье, одежды и волосы. Постепенно превращаясь в плотное облако, она ползет вместе с караваном. Пыль эта видна издали, за много километров. Предательская пыль. Нет ветра, чтоб развеять ее. Утомительно медленно оседает она на окостеневшие от жары и высохшие от безводья травы, но не может плотно закрыть белизну костей, лежащих у дорог.

Всюду следы смерти. Из-под кустов тамариска пустыми глазницами смотрят в гладкую дымчатую синеву неба черепа животных.

Иногда, словно жвала паука-великана, над чахлым кустом торчат

ребра верблюда или скакуна. Встречаются на пути и целые кладбища из гниющих трупов животных, и тогда воздух наполняется таким смрадом, что уставшие люди задыхаются и, схватившись за животы, блюют желчью, корчась от тошноты.

Стонут верблюды, скрипят арбы, тихо блеют бараны, плачут или сквозь зубы шлют проклятия врагу люди. До крови натерты спины четвероногих, но им могут дать лишь краткий отдых. Потом старейшина рода вновь взберется на коня и молча продолжит свой путь, а за ним вновь потянется весь караван уставших, голодных, больных, раненых степняков, потерявших свой кров, своих близких, сам смысл бытия. Они покидают родной край, не зная, что их ждет впереди, не ведая, смогут ли когда-нибудь вернуться назад.

Идут днем и ночью, боясь остановиться и отдохнуть, опасаясь человек и сна, страшась отстать друг от друга.

Их гонит враг. Жестокий, как демон ночи, бесчисленный, как саранча.

Жители Степи бегут на запад, на северо-запад и на юг. С нагорий Градира, с берегов Фентера и Аксу, Ит-ишесса и озера Арнис-Фоля, Акшанга и Саруна к границам Эуденоскаррианда и Конгрегации; бегут даже к берегам Океана и на вольные пастбища Шароры — дальних юго-восточных саванн.

Иногда старейшина остановит коня, чтобы подождать отставших, протрет платком затуманившиеся глаза и долго смотрит назад, стремясь увидеть родные горы, холмы и поля. Но ничто не радует взора, когда кочевья окутаны дымом пожарищ, когда горят сады и поля, когда на твоей земле властвует враг.

Беспорядочный поток беженцев, идущих по бездорожью, по оврагам и низинам, охраняют уцелевшие в битвах нукеры. Они не снимают кольчуг, колчаны их набиты стрелами, ни на миг они не опускают щиты и копья, только часто меняют коней. Воины молчаливы так же, как и старик, едущий впереди. Мрачные, как тучи, черные от солнца, их лица окаменели от отчаяния и ярости, глаза красны от бессонницы.

Когда передовые отряды вражеских лазутчиков появляются вблизи, нукеры отстают, чтобы защитить свой род. Смерть в бою им желанна — она избавляет от мук. Они больше не в силах видеть страдания своих соплеменников.

Чем больше льется крови, тем яростнее взгляд солнца. Чем больше смерти, тем безумней жара.

Старики умирают безмолвно. Роняют свой посох, медленно опускаются на дорожную пыль и лежат с раскрытыми глазами, пока кто-нибудь не прикаснется к их векам ладонью и не закроет их навсегда.

Слишком часто видны в степи свежие могилы, не успевшие осесть и зарости. Никто не знает, чьи они. Своих или чужих? Проезжая мимо них, старики беззвучно повторяют молитвы. Умолкают дети.

Бывает, что глава каравана, едущий на могучем коне в окружении бывалых воинов и молодых нукеров, неожиданно повернет в сторону и остановится. Воины сойдут с седел и бросят на землю тяжелые щиты и копыя. Холодным ветерком пройдет шепот.

Еще один мертвец лежит под пустым равнодушным небом.

Хоронят молча. Не зная ни имени, ни рода мертвеца. Не по вспухшему и почерневшему лицу, только по шлему, по кольчуге, по стрелам, впившимся в грудь или спину, узнают в усопшем врага или своего.

Но кем бы он ни был, о нем никто не скажет ни слова. Об усопшем не говорят плохо. Мстят только живым. Мертвых почитают — среди них уже нет врагов. Мертвые все равны — хан ты или раб — твой труп становится пищей стервятников и шакалов.

Все шире поток беженцев. Осиротевшие дети, прибившиеся к каравану в поисках защиты. Семьи, потерявшие отца или мужа. Одиноким скитальцы, лишённые крова, родных и надежды. Люди, в чьих стадах весь скот угнан врагом или украден мародерами... Они бегут, но тщетно.

Ни людям, ни животным не скрыться, не убежать от этого томящего зноя беспощадно палящего Солнца. И никуда не скрыться от свирепого врага, который может появиться возле тебя в любой миг, в любое время дня и ночи. И что хуже всего — никто не знает, где свои, где чужие...

Первый удар приняли на себя нукеры восточных племен. Но у них не хватило времени объединить всех ополченцев в единую армию. И главное, не нашлось вождя, который смог бы стать во главе сопротивления.

Каждое племя, каждый род сражались в одиночку. По сто, по тысяче нукеров выходило навстречу шаркаанской коннице. Нукеры стояли насмерть, прикрывая отход своих родов в глубь степей. Но все новые полчища шаркаанов переходили границы у берегов Даргоса и Нарола. Шли бои на берегах Тене и Жеру.

В железные тиски конницы шаркаанов попали роды и племена от Кайсана до Балласа. Кануй, сулаты, албанды и суаны, алаирцы и рекканы бились разрозненно. Тысячники шаркаанов легко справлялись с ними и проникали все дальше, в сердце степи. Они уже жгли посевы и пастбища майкенов, кедеев и конгратов. Отчаянно, подобно тиграм, защищающим свое логово, подобно нетварям в боевом безумии, когда маги посылали их в атаку, дрались свободные степняки, дрались, не отступая ни на шаг. Но силы их иссякли.

Бросив дома, они уходили семьями во чрево гор и в глубь степи, в города-крепости Эуденоскаррианда — Аутар, Саграм, Ширгенг.

Старый Инкай в ту пору увел свои кочевья в глубокие ущелья

Терг-Карнийского нагорья. Он верил тогда, что шаркаанов прогонят или они уйдут сами. Надо было только переждать.

Но передовые отряды правой руки Ундораргира — Рамги уже свободно рыскали повсюду. Все больше людей попадало к ним в плен. Шаркааны везли добычу к шатру своего повелителя. Несметные стада, тысячи рабов и рабынь гнали победители к верховному вождю, а тот одаривал ими верных слуг.

А они... они бежали в надежде спастись. Родина, близкие остались позади. Лишь слезы, горькие соленые слезы застилают глаза...

Люди научились молчать. Научились хранить тайну от неизвестных скитальцев. Инкай-старейшина знал, что больше уже нет возврата назад, что он не сможет спасти тех, кто еще остался в живых и верит в него. Но умереть — он умрет вместе с ними.

Было у него единственное желание. Он хотел умереть, как умирают вожаки израненной стаи волков. Защищаясь и защищая своих. Молча взывал к душам предков, к Священной Луне и Высокому Небу, чтобы они сохранили ему силу и спокойствие. И, зная безнадежность своей просьбы, он все-таки просил богов помочь ему найти маленький, тихий уголок на этой огромной, объятай огнем, разорванной в клочья войной и смутой земле. Клочок земли, где бы журчал родник, и имелось бы пастбище для скота, где бы дети и старики, еще верящие в него, в силу и разум старейшины, могли бы провести остаток своих дней. Ему лишь бы устроить, успокоить их.

А потом он готов на все. Согласен достойно принять любую смерть. Потому как страшно устал от всего. Наипаче же от этих шаркаанов и их проклятого Ундораргира. Но удрать невозможно, все взгляды устремлены на него. В нем живет чувство вожака. Это чувство держит его в седле, сохраняет ему спокойствие. Он должен думать о спасении этих забытых богами людей до самой своей смерти. Так было каждый день во все эти долгие месяцы войны.

— Если же суждено погибнуть всему нашему роду, срази меня сегодня, до заката этого жестокого Солнца, — невольно вырвалось из уст Инкай, когда от встречного бродяги он услышал весть о том, что полчища шаркаанов прошли через Северный Эльгай и, уничтожив все кочевья, которые ютились там, вошли в Ортанг и Торвикр.

— Будьте вы прокляты, о Священная Луна и Высокое Небо! — застонал Инкай.

Крепко сжал рукоять дедовской сабли и оглянулся, еще не поняв сам, сказал ли он эти слова вслух или только подумал.

Он уже давно ехал молча. Не слыша никого, не видя ничего, погруженный в свои мысли. И куда теперь нужно вести свой род ему, Инкаю?

Может, и не надо никуда идти? Вдруг, соединив силы, степняки юга остановили шаркаанов, и можно вернуться домой, в родные края?

Да разве мало в горах ущелий, скал, долин и неприступных высот, где можно спрятаться со своим родом? Нужны ли шаркаанам горы? Они обойдут их стороной. Им надобны табуны ханов, богатства нойонов. Не пойдут же они через опасные перевалы, чтобы захватить в полон маленький бедный род.

Не заметил, как остановил коня, как подъехал к нему сын — Аракао. Самый младший из пятерых.

Единственный оставшийся в живых. Трое пали прошлым летом в битве с шаркаанами. Четвертый погиб зимой: пошел на охоту, забрался слишком высоко в горы и случайно набрел на вспугнутого пятнистого медведя. Не успев поднять рогатину, угодил в когти зверя. Храбрый Смай, истекая кровью, нашел силы достать кинжал — но был поздно... Погибли оба — и зверь и человек...

— Что случилось, что с тобой, отец? — тихо спросил Аракао.

Он родился в ту весну, когда Инкаю исполнилось пятьдесят. Значит, ныне двадцать ему. И пятнадцать из них он провел без матери. Старшие братья любили его, баловали. Любил его и сам Инкай.

Лицо сына покраснело от жары. Шлем на голове был немного приподнят, на лбу виднелись капельки пота, под тонким чекменем, сотканным из верблюжьей шерсти, сверкали кольца байданы. Он был широк в плечах и ладно сидел на коне. Кинжал — подарок старшего брата — висел на боку. Колчан набит стрелами.

— Что случилось, отец? — повторил сын.

— Жара, — ответил старик. — Нам нужно скорее добраться до воды. Найти место для привала.

— Река уже близко, так говорят нукеры, — ответил Аракао.

— Мы не пойдем к реке. — Голос Инкай стал тверже. — Пусть подойдут остальные. Мы подождем их. Укроемся в ложбине за косогором. Там бросим лишние арбы. Погрузим на оставшиеся раненых. Больных и детей посадим на верблюдов. Все лишнее бросим.

— Но люди не могут идти дальше, — сказал сын. — Они устали, голодны. Жара их доконала.

Старик не ответил.

— Эй, Кайял, где ты?! — крикнул он, насунив брови.

— Я здесь, старейшина.

Запыленный, усталый воин с перевязанной головой и с длинными волосами выехал из толпы и подъехал к старику, придерживая булаву, притороченную к седлу. За спиной у него торчала пика.

— Возьми с собой кого-нибудь из нукеров и скачи назад! Поднимись на вершину. Оглянись кругом. Протри глаза! Никто не должен знать, куда мы свернули с дороги. Стой там столько времени, сколько понадобится, чтобы сварить полказана бычьего мяса. А потом идите!

Осмотрите — выясните — вынюхивайте — близко ли враг! Когда узнаете хоть что-то, скачите назад и ищите нас в песках, там есть колодец, там корни саксаула уходят глубоко в землю. И тогда решим, как нам быть дальше — вернуться в родные горы или ждать!

— Я понял тебя, Инкай, — ответил Кайяал.

— Я с тобой, Кайяал! — Аракао прищпорил коня.

Кайяал взглянул на старика. Старик растерянно смотрел на сына. До сих пор Аракао не участвовал в сражениях.

Парень ждал благословения отца. Но отец молчал. Он молчал не потому, что считал сына слишком молодым. А потому, что тот был единственным из пятерых, единственным оставшимся в живых. Кроме него, у старика не было никого — ни жены, ни снох, ни внуков.

Сын смотрел прямо. Старик на минуту закрыл глаза. По лицу пробежала тень, чуть побледнели скулы. Но голос старейшины прозвучал спокойно и твердо:

— Благословляю тебя, сын. Будь храбр и осторожен...

Инкай провел ладонью по бороде.

— Ступайте! — властно сказал старик.

Аракао придержал своего скакуна, чтобы пропустить Кайяала вперед, взглядом обвел истерзанный караван. Юный воин, сидевший на усталом вороном коне и державший за повод навьюченного верблюда, не спускал глаз с Аракао. Караван вновь двинулся вслед за Инкаем. Воин все еще не трогался с места.

— Ты чего стоишь? Трогай! — раздался чей-то голос.

— Сейчас!

Воин сорвал с головы шлем, и черные волосы упали на плечи. Это была девушка.

— Сейчас, я поправлю седло.

Она соскочила с коня. Начала перетягивать подпругу, не спуская глаз с Аракао. Поправляя колчан со стрелами, парень еле заметно кивнул ей и, прищпорив коня, помчался за Кайяалом.

Девушка долго смотрела вслед. Потом прижалась головой к седлу. Плечи вздрогнули. Накалившееся стремя обожгло щеку. Она подняла голову к небу. На глазах были слезы.

— Проклятая жара! — вырвалось у нее.

Когда она вновь взглянула на людей, в ее глазах уже не было слез.

Рядом застонала женщина. Девушка оглянулась. Беженка сорвала с головы черный платок и упала, забилась в истерике. Возле нее, на развернутых лохмотьях, лежало красное, сожженное беспощадной жарой тело ребенка. Тот был мертв. Женщина только что взяла его из люльки, притороченной к седлу коня, и распеленала, чтобы накормить своей иссохшей грудью.

— Высокое Небо прокляло нас! — хрипела женщина, ударяясь головой о землю. — Мы все умрем!

Девушка подняла ее с земли и прижала к себе. Караван остановился. Женщина вырвалась из объятий девушки и снова упала в пыль.

— Оставь меня, Арая, — еле слышно произнесла она. — Воды...

Девушка подобрала повод верблюда. Железное кольцо, вдетое в нос дромадера, натянулось. Атан со стоном согнул передние ноги и тяжело опустился на землю. Хромой табунщик Окдай, отец девушки, быстро отвязал кожаный мешок с водой. Деревянную чашу, наполненную влагой, Арая поднесла к губам женщины. Люди растерянно смотрели то на тело ребенка, то на женщину, то на вожака своего — на старого Инкая.

— Несите их! — приказал вожак.

И, не оглядываясь, направил коня к узкому, заросшему колючкой оврагу. Люди потянулись за ним. Двое мужчин положили женщину на носилки. Арая завернула тело малыша в лохмотья и вместе с ними пошла вслед за караваном. Конь шагал за ней...

Вскоре дорога опустела. Лишь вдаль на востоке, поднимая облачко пыли, удалялись два всадника. Да в раскаленном небе кружили сытые коршуны...

Пройдя два полета стрелы от дороги, Инкай остановил свой караван и обратился к соплеменникам:

— Здесь похороним малыша. Выберите ослабевшего коня. Принесите жертву Священной Луне и Высокому Небу и накормите людей. Ночь будет темной. Все, что можно сжечь, сложите в кучу. Разберите арбы и волокуши. Пусть костер будет хорошим. Дайте отдых коням и верблюдам. Завтра двинемся через пески к озеру Арнис-Фолю. Найдем колодец и будем ждать наших гонцов.

Это была его самая длинная речь за всю дорогу.

Еще один могильный холмик отметил путь каравана. Обхватив руками могилу сына, лежала мать.

Солнце уходило за горизонт...

Грозный. Конец января 1995 года.

Несколько кварталов от центра города

Очнувшись, Снегирев сперва удивился, что вообще очнулся и жив. Вторым удивительным фактом было почти полное отсутствие боли. Ни в боку, ни в животе. Разве что бинты и засохшая кровь напоминали о том, что совсем недавно он был на волосок от смерти, и это ему не померещилось. Или все же все померещилось?

Полковник потянулся, присел и обнаружил, что его правая рука прикована наручниками к холодной батарее. Он лежал на старом матрасе, запачканном чем-то черным, о природе которого думать не хотелось. В комнате — голый, разбитой, с выбитыми окнами и расколотой

мебелью было несколько человек в обычных армейских зимних бушлатах и касках.

Двое возились у армейской рации, явно прослушивая переговоры.

До слуха полковника доносилось:

— Я — Калибр-10! Я — Калибр-10! Всем, кто меня слышит, подбросьте хотя бы пять коробочек к «Минутке»... Прошу, будьте людьми, мужики!

Так, он в плену. Что ж, даже с полковниками это бывает.

Воспринял все отстраненно, просто как факт.

То, что делали с пленными озверевшие аборигены, он знал не по слухам, а из рапортов, из которых следовало, что самые жуткие слухи не говорят всей правды.

Этo солдатикy могут просто прострелить живот и бросить подыхать, пока местные псы будут обгладывать ему ноги и руки — еще живому.

А для офицеров такого «милосердия» не припасено. И хорошо, если тех подвергнут обычной пытке или посадят на кол. Могут выколоть глаза и оскопить — и выпустить «на свободу»: если найдут свои, то будешь жить — хотя какая это жизнь! Могут изнасиловать всем отрядом и возить с собой, время от времени устраивая оргии да еще снимая это на пленку. Могут заставить сражаться в гладиаторских боях с такими же пленниками — под гогот и аплодисменты двуногих скотов, заключающих пари. Могут...

Но он вроде полковник и дорого стоит. Значит, и придумают для него что-то особенное.

Пожалел, что не захватил с собой яду, как на полном серьезе советовал начмед управления майор Галустян.

Или же его используют как ценного заложника? Например, обменяют на кого-то из важных пленных.

Или...

Вот тут Снегиреву стало по-настоящему страшно.

Не секрет, что в Чечне паслись не только разнообразные боевики со всего мира — от прибалтов и юаровцев до душманов, то есть как теперь принято говорить по «дебелизору» — афганских моджахедов. Не менее активно тут орудовали всевозможные разведки. И целый полковник российской контрразведки для таких — лакомая добыча. Особенно для бывшего потенциального противника, а ныне стратегического партнера. То есть их людей тут, конечно, «нет». Официально.

Вот тогда точно шансов не имеется. Даже из рабского зиндана выходят. А в этом случае из него сперва самыми разнообразными методами вытащат все. Воистину ВСЕ (вот у серых оперативников ЦРУ глаза на лоб полезут!), а потом прикончат и зароют далеко и глубоко.

«Но, может, все не так плохо?» — робко затрепетала надежда.

Ведь все чаще идут сообщения, что многие полевые командиры ос-

ведомляются в неофициальном общении с федералами о том, что будет с теми, кто добровольно сложит оружие?

— Гром-15, Гром-15! Это — Волк-103. Двигаемся по Старопромысловскому шоссе. Только что пересекли Алтайскую улицу, Алтайскую. Прием... — заверещал приемник.

— Понял вас, Волк-103, понял. Продолжайте движение.

— Гром-15. Это — Закат-5. Если есть возможность, выдвинетесь в район Старопромысловского, выручайте 119-й батальон... Он должен быть в районе Кропоткинской. Прием...

— Ага, вас ищут, Алексей Евгеньевич, — вернул его к действительности чей-то глас.

Напротив стоял, покачиваясь с носка на пятку и небрежно заложив руки за спину человек в таком же, как у здешних чеченцев и у него самого, зимнем армейском обмундировании — разве что на голове вместо каски или ушанки была генеральская каракулевая папаха старого образца.

Снегирев этого человека не видел прежде, но, конечно, узнал сразу.

Бывший командир лучшего артполка Советской армии. Кавалер ордена «За службу Родине» III степени. Второй или третий человек в руководстве сепаратистов.

Организатор обороны Грозного... Член КПСС с... Вроде бы в контракте с шариатской госбезопасностью и этими... ваххабитами. Ну, что еще там было в досье, собранном наспех в его конторе?

Мановение руки, и присутствующие скрылись в дверных проемах.

Они остались одни. Два гражданина одной страны. Два офицера одной армии. Два врага...

По ту сторону пролома в стене за спиной чеченца расположился небольшой скверик. Вернее, сквер там был когда-то в мирное время. Ныне глазам предстал сюрреалистический кошмар. В беспорядке, как брошенные на детской площадке игрушки, на площади замерли десятки мертвых железных зверей. Это беспорядочно разбросанное стадо сожженной техники подавляло своим количеством. Сколько же ее здесь? Снегирев вспомнил, что как раз тут в первый штурм приняла бой Кубанская сводная бригада. Так и стоит, где дралась...

Взгляд полковника выделил из общей массы разбитого железа невиданную доселе конструкцию. Танковое шасси, вычурная башня, направляющие ракет, колпак локатора, стволы пушек по бокам.

Словно из декораций к фантастическому фильму.

— «Тунгуска», — процедил чеченец, заметив его интерес. — Новейший войсковой комплекс ПВО. Какое мудило пригнало ее сюда и за чем — ума не приложу. Там за поворотом еще пара «шилок» стоит. Одних восьмидесяток двадцать. БТР и семьдесят вторые не считали...

— Послушайте, товарищ подполковник... — тихо начал Снегирев, решив, что чему быть, того не миновать.

— Я тэбе не товарищ! — зло и вместе с тем устало прошипел Аслан с прорезавшимся акцентом. — Волк позорный тэбе товарищ! Я для тэбя гаспадын бригадный генерал! Долго же пришлось тэбя лавить. Сперва забрасывать дезу этим тваим ... — он сплюнул, — федералам-педералам про архив, патом еще пастараться, чтобы тэбя паслали, патом еще лавить по всему Грозному...

— Вы за мной, что ли, следили? — пробормотал полковник.

— Такое уж время наступило, — ответил Аслан. — Разве Россия сычас не свабодная страна? Каждый теперь имеет право следить за другим! Тем более нэ известно, кто окажется другим, — со зловещей многозначительностью добавил чеченец. — Кстати, Алексей Николаевич, а вы миная савсем не помните? — с неподдельным участием осведомился он полминуты спустя.

Снегирев покачал головой. Как он точно знал, с этим человеком они нигде совместно не служили.

— Ну да, где вам, белой чекистской кости помнить армейскую скотинку? — презрительно ухмыльнулся Аслан. — А я вот вас запомнил, хотя всего два раза видел.

Кавказский акцент в его голосе снова пропал.

— Это где ж?

— Где? — протянул чеченец. — В Октябрьске, где ж еще? Один раз на совещании по магической безопасности, второй — когда политотдел читал доклад по взаимоотношениям с аборигенами. Помню, сидели вы в президиуме. Так, с краешка, скромно вроде, да на ус мотали...

Снегирев ощутил, как на лбу выступила испарина, а сердце замерло на миг. Вот оно как!

Ну понятно, откуда серым затурканным «особнякам» из родного ФСК знать про такое?

Да...Что-то часто в последнее время встречаются ему люди из прошлого, которое надо забыть. Которое было приказано забыть, и которое согласились забыть все, включая и американцев и французов. Что было решено считать «не бывшим», и чего нет даже в пресловутой «Особой папке», чтоб Первый кому не надо невзначай по пьяни не выболтал.

Нет, конечно, шила в мешке не утаишь, и кое-что просочилось наружу. Пусть лишь на страницы желтых газетенки и разных безумных книжонок — тех, где пишут про инопланетян, сношающих земных девиц, и Гитлера, улетевшего на летающей тарелке, созданной тибетскими магами, в Антарктиду в сорок пятом. Особо хитрые журналоги и долбанутые энтузиасты уфологии, правда, начали копать это дело, так что даже пару раз пришлось принимать меры.

— Не находите это забавным, полковник? — с коротким смешком продолжил разговор Аслан. — Еще совсем недавно мы штурмовали

другие миры, а сейчас *вы* не можете взять бывший горком бывшей партии...

— Возьмем... Еще не вечер, — зло огрызнулся Снегирев.

— Да я ж не спорю... Возьмете и дворец Джохара и Грозный... если повезет. Но толку-то? — Чеченец передернул плечами. — Потом ведь все равно уберетесь. Не через год, так через десять лет. Видел я ваших солдатиков — это ж сплошные слезы. Но они хоть немного в нормальной школе поучились, хоть ели досыта. А что дальше будет? Вам не страшно, полковник?

Снегирев промолчал, сказать было нечего.

— А ведь все могло бы быть по-другому... — тихо и печально пророчил Аслан. — Могло... Но вы не захотели, именно вы. И ты...

Ощувив подступивший страх, полковник уставился на Аслана. Не может этого быть... Откуда он знает...

— Да, я все знаю, — кивнув, ответил тот на незаданный вопрос. — Не спрашивай откуда, поймешь сам. И про спецподразделение «Прометей», и про тетрадочки с разными предсказаниями. Вы их... — он сплюнул, глотая мат, — вашему Ельцину отдали или себе припрятали?

— Послушайте, Аслан Алиевич... — Снегирев запнулся. — Это... не такой простой вопрос... Вы можете мне не верить, но мы и в самом деле пытались сделать все, что в наших силах...

— Вах!! — махнул чеченец рукой. — Ну что ты мне будешь гаварить — пытались-мытались? Что, Лысого Меченого притравить не могли или алкаша беспалого? Как Литовкина или бедолагу Пащенко, да? Диоксина с полонием пожалели, да?

«Откуда он про это знает?! — пронеслось в мозгу полковника. — До этого же еще далеко! Хотя... если он тоже из *них*...»

Его вдруг проняла крупная дрожь.

И дрожь эта была вызвана не тем, что он боялся Аслана, хотя, конечно, боялся. Но не только, и, пожалуй, даже не столько...

Снегирев ощутил остатками умений мага третьей ступени, что было в этих руинах еще *что-то*, кроме них. Что-то очень сильное и злое. Тогда дела их куда более поганые, чем казалось, ибо сражаться с магом-провидцем, не имея на своей стороне никого похожего, так проще удавиться. А никого и нет — спецподразделение «Прометей» распущено и возрождению не подлежит, а после гибели Фискара в проклятом октябре прошлого года оба оставшихся на их службе чародея из другого мира бесследно исчезли. Но, черт возьми, Эйгахаловы людишки, помнится, говорили, что в здешнем мире способен на что-то существенное маг никак не меньше восьмой ступени? Полковник точно не помнил на память всех самопальных чародеев ОГВ, вернувшихся с Аргуэрлайла на Землю, но то, что его собеседника там не было, — это факт. Он бы знал... Или тот просто *не доложил* о пробудившихся способностях?!

Дьявол! Так ведь это он, не иначе, вылечил его, причем от очень скверных ран! Но как же тогда быть с «правилом одного таланта», согласно которому маги не могут почти ничего за пределами своей «специализации»? Или есть исключения? А может, их «кореша» из Конгрегации просто наврала? Или... это Аслан не маг, а шаман? Эти и правда могут почти все.

— Ладно, — поднялся с места Аслан, хлопая себя по бедрам и вставая. — Все это не так важно, потому... Потому что... Не буду долго говорить, время не терпит. К нам на Землю пришел бог.

— Бог? — зачем-то переспросил Снегирев.

— Бог, самый настоящий. Тут у нас, видите ли, уже примерно лет этак тысячи с три как не было богов, — сообщил Аслан. — Почему, думаете, маны кот наплакал, да и та дрянная? Потому как ее проводники в наш мир — именно боги и высшие демоны, что бы эти кретины из тамошних школ ни говорили. Ну вот, когда наши ученые пробивали дырку между мирами, они нашумели так, что разбудили одного крепко спящего, почитай что *мертвого* бога. Нет, не совсем мертвого...

Чеченец поморщился, пытаясь подобрать слова.

— Он, как бы это сказать, впал в детство, что ли? Нет... не то... — Аслан провел ладонью по лицу. — Не знаю, как объяснить. Понимаете, боги, они вообще не то, чем кажутся. Все дело в том, что он потерпел поражение... Когда-то очень давно... Имя его никогда больше не прозвучало, даже имя... Еще во времена той самой цивилизации, что была на Аргуэрлайле до той, которую мы там застали, в ее самые ранние дни. Оно было сбито с барельефов, а его изображения уничтожены все до одного. Были убиты жрецы, все до единого, и даже просто люди, знавшие, как ему правильно поклониться. Вот такой бог-изгнанник, вышвырнутый и с Неба, и из Преисподней, одинаково проклятый и там и там. Нет, ты не подумай, майор! — вдруг словно спохватился чеченец, назвав Снегирева по званию, в котором тот был во времена операции «Порог». — Он был силен, очень силен! Но, — кривая усмешка, — нашлась сила и на него. По его приказу мертвые могли восстать из могил, но он не мог погасить Солнце и даже Луну, оттого и проиграл. Ибо силами Солнца его враги и пользовались...

Чеченец бормотал это каким-то странным речитативом — ни дать ни взять служка в темном храме, привычно отчитывающий слова богохульного писания...

— И бог явился сюда по нашему следу. Обычно боги прикованы к своим вселенным, но этот был немного другой породы. Все дело в том, что он был Сыном...

Потом вдруг Аслан встряхнул головой, сурово поглядел на полковника.

— Да... чего-то я... Ну ладно, это неважно... пока.

Красно-красный отблеск дальнего пожара плясал на его кости

стом лице с уже заметно отросшей щетиной, отражался в блеклых глазах.

— Просто прими это к сведению — раньше на Земле не было богов. Теперь они есть. Теперь Он есть, — поправился. — Мы ему служим. Он пришел ко мне, когда мне было плохо, когда ваша «демократия» вышвырнула меня из армии и грозилась раскатать мою несчастную Чечню танками. И я ему поверил и впустил в себя... И теперь служу ему. Я и мои товарищи. И тебе тоже придется ему послужить. Но сперва его надо будет немного подкормить...

— Кого? — пересохшим горлом выдал полковник.

— Нашего Владыку... — прозвучало в ответ.

И ухмылка, в которой притворственно смешались неподдельное благоговение и одновременно умиление, с каким хозяин смотрит на любимую собаку или кошку, показалась Снегиреву на редкость омерзительной и страшной.

— Нет, ты не подумай... Ему не нужна кровь, плоть или то, что мы называем душой... — как бы размышлял его собеседник вслух. — Просто жертва отдает ему оставшиеся годы своей жизни — он питается временем, которое определено человеку. Ему все равно, чье время, хотя, конечно, у молодого времени больше, чем у старика...

Так бурча себе под нос, он вытащил из кармана разгрузки пачку свечей, затем на полу появился старинный медный тазик, наполненный водой, в которой плавали кусочки льда. Расставил свечи вокруг миски в пластиковые розеточки, какими украшали свадебные торты. И этот контраст потусторонней жути и прозаических мелочей мирной жизни заставил сердце полковника сжаться.

Аслан постоял со склоненной головой три или четыре минуты, словно молясь в молчании. Затем принял у вышедшего из дверного проема автоматчика накрытый крышкой армейский котелок — самый обычный.

Под крышкой оказалась пригоршня исходящих сизыми искрами углей.

Он дунул на угли и зажег свечи от вспыхнувшего пламени...

— Нельзя использовать спички, в этом огне не должно быть ни следа серы, — объяснил зачем-то он. — А это тлеющие угли от разбитого снарядом дома... Самое то — огонь смерти и разрушения...

Снегирев лишь наблюдал с обреченным отчаянием, как бывший подполковник бывшей Советской армии расставляет свечи вокруг миски, всматриваясь в отражение огоньков.

Рослый бородатый боевик молча принес на руках спеленатого шнурами, как младенца, солдатику, кажется Еремеева, и бережно положил у огненного круга, словно боялся сделать жертве больно. Потом бесшумно, как огромный тигр, скрылся в темноте и почти сразу появился, держа на руках еще одного, точно так же связанного, с пере-

бинтованной головой. Тот слабо стонал, не открывая глаз. Затем рядом лег так же скрученный Пашков. Следующим был — Снегирев даже не сразу поверил — чеченец с развороченной грудью, кое-как перебинтованный. После еще трое — два солдата и не первой молодости женщина, не разобрать — русская или чеченка (похоже, поймали первую попавшуюся).

Густобородый здоровяк присел на корточки рядом с обреченными. Аслан, наоборот, — отошел в тень. Но тут порыв сквозняка задул несколько свечей, и бригадный генерал, шипя сквозь зубы проклятия, вновь раздул почти погасшие угли из котелка и зажег свечи.

И только потом бородач достал нож. Обычный столовый нож, не какой-нибудь навороченный «боуи» или «кукри» и не здешний кинжал в серебре, а заурядный сточенный столовый нож с деревянной ручкой, видать, не одно десятилетие мирно служивший нескольким поколениям хозяек на какой-то грозненской кухне.

Снегирев закрыл глаза, видеть это было выше его сил. Что бы там ни было с ним дальше, он имеет право не видеть Этого.

Он услышал чавкающий звук входящего в плоть лезвия, женский стон, какое-то бульканье...

Потом.

Потом пришел Он.

Или ОНО...

Что-то омерзительное и страшное...

Полковник содрогался от ужаса и отвращения, ощущая, как ледяные цепкие пальцы забираются к нему в мозг, вползают в уши, копаются в разуме и тянутся дальше, к тому, что священники называли душой. Затем из тьмы протянулись фосфоресцирующие щупальца и, воткнувшись в грудь полковника, начали вгрызаться в нее. Потом на него поглядели исполинские бледно-синие глаза колоссального спрута или кальмара...

Нарастая, в уши ворвались завывание и нечеловеческие голоса, тонкие и звенящие. Они доносились отовсюду и были невыносимы. Вибрирующий, доводящий до безумия звук на самой границе слышимости, от которого, казалось, лопнет череп.

И череп лопнул...

На бесконечную череду тысячелетий пришла неслыханная боль. Далее она кончилась, но ушла не сразу, а постепенно, цепляясь за мельчайшие осколки возрождающегося сознания, кусая, злобствуя. Затем ее не стало совсем, и тогда, хотя ни зрение, ни слух не спешили возвращаться, оказалось возможным понять: ничто не кончилось, мучители всего лишь решили передохнуть...

Закрыв глаза, он прислушивался к отсутствию боли. Первым делом попытался открыть глаза, и, несмотря на успех этого предприятия, ясности оно не добавило. Перед глазами стояла красная завеса,

которую кое-где нарушали синие сполохи. Но прошла вечность и еще одна вечность, а потом время замедлило бег, и глаза увидели свет свечей. Движения век вызвали новый приступ головной боли. Разглядел пустую холодную комнату и человека в генеральской папахе над ним. Аслан был один, он напряженно и озабоченно заглядывал в лицо Снегирева. Полковник скосил глаза.

Трупов уже не было, как и предметов жуткого обряда. И то, страшное и потустороннее, тоже ушло.

— Эй! Ты меня слышишь? Хорошо слышишь?

— С-с-с... Хр-р-р... — прохрипел Снегирев.

Означать это должно было что-то вроде «слышу хорошо», и Аслан его понял.

— Ну вот... вот и отлично, — удовлетворенно резюмировал чеченец. — Сейчас придешь в себя, и тогда мои люди тебя проведут к федералам. Пока полежишь в госпитале, пока то да се — и на службу... Третий штурм еще не скоро теперь будет, и я уж как-нибудь без тебя его отобью. Твоя очередь действовать позже придет... Да, на всякий случай, чтобы не было иллюзий... Попробуй подумать о том, как ты предаешь меня или Его? Ну, попробуй...

И Снегирев представил. Представил, как сразу по возвращении в Москву, наплевав на всю служебную иерархию и подчинение, на здравый смысл, поднимает трубку секретного телефона и, назвав пароль, просит связать его с президен...

— А-а-а... ах... х-х-х-у-у-у!!!

Боль была не такая уж сильная, вполне терпимая, но куда страшнее было то, что он ощутил за этой болью. То, что она — лишь крошечная часть тех мук и ужаса, что способен на него обрушить тот, кому предался его бывший сослуживец.

— Ну, понял, дюрочок? — с недоброй усмешкой осведомился Аслан с опять появившимся акцентом. — Так чито привикай, *Ученик*, тэпер тибэ уже никуда... А сичас, извэни, придется тибя нимножка прадрыявит, твай раны я зарастил савсэм, а вроде как неудобно без крови ухадить, да и падазренный меньше.

В руках Аслана появился, как по волшебству, массивный «глок»...

Москва. 2 апреля 1986 года

...Алексей Снегирев проснулся. Вытерев обильную испарину со лба, осторожно, стараясь не разбудить жену, спустил ноги с кровати.

Пытался нашарить тапки под диваном, но потом плюнул и как был босиком прошел на кухню, инстинктивно стараясь потише ступать, когда шел мимо двери в комнату сына. (Умаялся на соревнованиях, пусть поспит.) Сел на табуретку, зачем-то зажег газ и поставил чай-

ник, хотя пить не хотелось. Потом вытащил из пачки «Кэмела» (еще афганские запасы) сигарету и прикурил от плиты, жадно затягиваясь.

Так, надо успокоиться, прийти в себя... В конце концов, пока все в порядке. Сейчас самое начало апреля 1986 года, а не страшный кровавый январь 1995-го. До него еще почти десять лет, он не полковник этого непонятного ФСК, а майор КГБ, сотрудник особого подразделения «Прометей», и завтра ему ехать в Чернобыль — предотвращать взрыв Четвертого энергоблока...

Да, еще ничего страшного не случилось...

Еще все можно исправить...

И в ответ на эту бодрую мысль перед глазами встал ослепительно-черный свет и разлетающиеся мертво-блестящие звезды дьявольского причастия...

И Алексею стало страшно. Страшно, как не бывало никогда. Ни когда над Гиндукушем его Ми-8 поймал стингер, ни когда он, сжимая до боли зубы, сидел в приемном покое роддома перед дверью, за которой решался вопрос — жить или умереть Ольге и Дениске...

Ибо если его сон не лгал, а до того *такие* сны не лгали, то они обречены.

Можно и в самом деле без особого труда устранить пока еще не ставшего кем-то Беспалого или еще пребывающего на подъеме Меченого, можно послать киллеров к Рейгану или бен Ладену, можно назначить Дудаева командовать авиацией Дальневосточного округа, а этого Аслана — береговой обороной Курильских островов. Можно собрать всех отечественных воров и политиканов, каких он и такие, как он, вспомнят, на «Адмирале Нахимове», и в сентябре этого, 1986 года, с чистой совестью подставить старую калошу под таранный удар «Петра Васева»... Можно сделать еще сотню или тысячу вещей. Но что толку, если темный древний бог, чудовище из немислимых забытых преданий другого мира уже на Земле? А значит, завтра или через двадцать лет, но оно все равно найдет кого-то, кто согласится впустить его в свою душу. Здесь ли, в Австралии, на Тибете или в Африке.

И ад разверзнется на этой несчастной планете!

Майор Снегирев готов был расплакаться, если бы с недавних пор не разучился плакать...

Южный океан. Побережье империи Эрикант

В храме Прародительницы Иас-Марои, небесной покровительницы Эриканта, что называется, негде было яблоку упасть (если бы, конечно, в садах Архиссима водились эти земные плоды). Торжественный молебен проводили все двенадцать высших служителей Хозяйки Воли, что обычно бывало только раз в год, на главный праздник богини, попадающий точнехонько на конец года.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Некоторые основные понятия и реалии мира Аргуэрлайл

Аргуэрлайл — название мира, где происходит действие, на большинстве языков. Предположительно дошло из глубокой древности, из эпохи, предшествующей Великим битвам, когда на большей части планеты существовала высокоразвитая магическая цивилизация.

Арсаардар — офицер, под командованием которого находится больше тысячи воинов, примерно соответствует генералу. Шире — почтительное обращение к военному.

Вольный чародей — маг, не входящий ни в один ковен, не состоящий на службе у какого-либо правителя и предлагающий свои услуги всякому, кто может их оплатить. По большей части самоучки или ученики других вольных магов. Традиционно считаются ниже «регулярных» магов и по подготовке, и по морально-деловым качествам, что не всегда соответствует действительности.

Высочайшие — боги мира Аргуэрлайл. Считается, что они давным-давно оставили в покое планету и практически не вмешиваются в жизнь людей. Есть мнение, что они вообще покинули данную сферу бытия или даже умерли, а может быть, истребили друг друга в межбожественных войнах. Тем не менее считается неоспоримым, что они обитали и действовали на планете. Ряд источников Силы и самых могущественных талисманов считаются сотворенными именно Высочайшими.

Ковен — основная форма организации магов на Аргуэрлайле. Объединение магов на какой-либо территории, имеющее свое название и герб. Ковен объединяет магов различных специальностей, хотя в разных ковенах могут существовать уклоны в ту или иную сферу. Даже в странах, контролируемых ковенами, маги не вмешиваются в жизнь

простых людей, ограничиваясь назначением управителей-официалов и контролем за исполнением ими своих обязанностей.

Кормчий — маг, возглавляющий ковен, вернее, один из таковых. По сложившемуся за многие века порядку, во главе ковена стоят от пяти до двух десятков равноправных кормчих, в подчинении которых находится до сотни повелевающих. В давние времена, когда ковенные были не в пример больше, существовала наивысшая ступень власти — удерживающие, которые сами не принимали решений, но могли отменить любое, по их мнению, вредное и опасное решение кормчих.

Неведомые, они же *Могущественные*, — обозначение высших демонических сил, управляющих судьбами мира. Воздействие на них — часть магии судьбы.

Незримые — стихийные демоны более низкой ступени, нежели Неведомые.

Нетвари (в противоположность обычным тварям, существам, сотворенным, по мнению аборигенов Аргуэрлайла, богами) — животные, выведенные с помощью магического воздействия, в большинстве случаев — военного назначения, реже — хозяйственного (например, арританские головоноги, используемые для ловли рыбы). Способ получения — чародейское воздействие на наследственный материал.

Обычно исходным материалом являются пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, иногда птицы (связано с простотой воздействия на икру и яйца). Как правило, бесплодны, в лучшем случае вырождаются в первом-втором поколении.

Устойчивые формы удаются крайне редко и обычно являются головной болью для магов и кошмаром для обычных людей

Особо следует отметить, что все попытки создать мыслящую нетварь (даже с применением человеческого «сырья») кончались провалом — в лучшем случае у получившихся особей наличествовали лишь жалкие зачатки разума.

Орта — воинская часть в армиях приграничных с Эуденоскарриандом земель, состоящая из нескольких сотен тяжелой пехоты и двух-трех сотен конницы, обученных действовать совместно.

Набираются местными феодалами из числа своих дружинников и прочих жителей владений, но при этом содержатся и вооружаются на средства из казны (по традиции знать доплачивает на их нужды из своего кармана).

В последнее время их нередко нанимают на службу эуденоскарри-

андские власти, особо оговаривая это право в договорах с соседями и вассалами.

Путь — одно из ключевых понятий философии и мировоззрения Аргуэрлайл. Включает в себя жизненное предназначение — человека, группы людей, страны и народа; должествующие действия, направление деятельности продиктованные им свыше, и т.п. «Путь — это то, что проложили для тебя Высочайшие» (Серхат Герионский, один из крупнейших мыслителей империи Эуденоскаррианд).

Ступень — к описываемому времени в той части Аргуэрлайла, где происходит действие, принята следующая система магических рангов. Имеется некий начальный уровень колдовского мастерства — для каждого направления свой. Он почитается за первую ступень, и именно он является базой для определения статуса и умения мага. К примеру, мастер второй ступени, тот, кто может совершить то, что могут два мага первой ступени; третьей — соответственно три и т. д. Теоретически эта лестница не имеет предела, но на практике маг десятой ступени встречается один на тысячу начинающих магов, а наивысший известный результат — маг шестьдесят пятой ступени был достигнут за шестьсот лет до описанных событий. По некоей злой иронии (некромантия подобной мощи не имеет практического применения) то был некромант, Чуйар Гранс Тэрьгэ из исчезнувшего спустя три века в Кармийской войне ковена Белой Птицы.

Черное Солнце — главное из иносказательных имен божества Шеонакаллу.

Шеонакаллу — божество, которому поклонялись в теократической империи Сарнагарасahal, разгромленной в ходе операции «Порог». Поклонение ему включало в себя обильные человеческие жертвоприношения, кровавые обряды и требовало полной покорности жречеству, как носителю высшей благодати. Основу могущества жрецов-колдунов Черного Солнца составляла предметная магия, а источником ее — древние сооружения, создание которых приписывается самому божеству и его земным аватарам. У соседей обычно именовался Безымянным, реже — Неназываемым.

Экселенс (приблизительно переводится как «наидостопочтеннейший») — обращение к правителям достаточно больших стран, монархам, знати высокого ранга (примерно уровня земного герцога).

Оружие, упомянутое в книге

АКМ-74 — почти полный аналог нашего АК-74, разве что калибра не 5,45 мм, а 5,56. Своего рода сигнал внимательному читателю, что описываемый мир — не совсем наш.

Б11 — безоткатное 106-миллиметровое орудие, снятое с вооружения в конце 1950 гг. Теоретически к описываемому времени могло уцелеть в арсеналах, хотя подтверждений этому автор не нашел.

ВСС — винтовка снайперская специальная, «винторез»; масса пуль около 16 г.

Граххар (слово из одного из древних мертвых языков Аргуэрлайла, означающее огнедышащее чудовище) — местное название пушек. В основном используется в отношении артиллерии местного производства, которое наладил гениальный изобретатель-самоучка князь Веерен Тогу, используя информацию, полученную от пленного землянина.

Дудут (название дано по аналогии со звуком выстрела) — крупнокалиберный дульнозарядный фитильный штуцер с цельнолитым бронзовым стволом, похожий на крепостные штуцеры нашего девятнадцатого века. Создан князем Веереном Тогу.

ДШК — пулемет Дегтярева — Шпагина, крупнокалиберный. Калибр 12,7 мм. На описываемое время почти снят с вооружения.

КПВТ — крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый, калибра 14,5 мм. Предназначен для борьбы с легкобронированными целями, огневыми средствами и живой силой противника, находящимися за легкими укрытиями на дальностях до 2000 м при высотах до 1500 м. Масса 52,2 кг, скорострельность до 600 выстрелов в минуту.

Лупара — короткоствольное ружье или обрез, обычно 12 или 16 калибра. Длина стволов обыкновенно 30 — 40 см. Оружие ближнего боя — дальность стрельбы, как правило, не превышает 25 — 30 метров.

Пулемет Громова — калибра 9 мм. Оружие в нашем мире неизвестное (своего рода еще один знак читателям, что это мир не наш). Не очень распространен, в основном предназначается для вооружения бронетехники.

Огненный метатель — оружие, внешне отдаленно напоминающее

земное огнестрельное. Стреляет каплями расплавленного металла, выбрасываемого с большой скоростью из выточенного из кварца ствола. В работе использует магические силы. Изготовление его — процесс крайне трудоемкий, сложный и дорогой: требуется кроме усилий не менее пяти — семи магов не ниже четвертой ступени, еще и работа искусных ремесленников. Поэтому весьма мало распространено, несмотря на свою довольно высокую эффективность (при удачном выстреле в упор даже может прожечь броню БТР).

«*Скорпион*» — чехословацкий пистолет-пулемет образца 1961 года калибра 9 мм под патрон ПМ, аналог «Узи». Вес в снаряженном состоянии 1,28 кг без магазина. Длина: 270 / 517 мм. Емкость магазина: 10 или 20 патронов. Оружие ближнего боя, предназначенное для самообороны офицеров и для спецопераций.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

(О трилогии Игоря Недозора «Плацдарм»)

Чем дальше мы удаляемся во времени от советской эпохи, тем более разнообразными становятся оценки этого периода нашей истории. Еще каких-то двадцать лет назад он изображался исключительно в негативном плане: столько-то людей уничтожено, то-то распродано, то-то утеряно. Раздавались, конечно, и голоса в защиту, но хор критиков был громогласнее. Время отчасти примирило оппонентов, но в большей степени остудило горячие головы, заставив спокойнее и без предубеждения смотреть на этап «построения социализма в отдельно взятой стране», отмечая как горькие поражения, так и несомненные победы и достижения, имевшие тогда место. «Тут ни убавить, ни прибавить, — так это было на земле», как говорил замечательный поэт той поры А. Т. Твардовский.

Фантастика тоже не оказалась в стороне от разработки такой плодотворной темы. Преимущественно это относится к историко-фантастическим произведениям, написанным в жанрах альтернативной истории (АИ) и криптоистории (то есть тайной истории). Здесь, кроме стараний истолковать те или иные обстоятельства прошлого, угадать, кто или что скрывается за неожиданными перипетиями большой и малой политики Страны Советов, предпринимаются попытки переписать историю, «переиграв» уже свершившиеся события, пустив реку Хронос по другому руслу. Но есть сочинения и пограничного характера, которые написаны на рубеже исторического и иных жанров литературы крылатой мечты. К таковым относится и трилогия Игоря Недозора «Плацдарм» из одноименного цикла, в который на данное время вошли три романа: «Плацдарм», «Гарнизон» и «Контрудар».

Жанровую принадлежность цикла определяют по-разному. Это и «технофэнтези», и «технологии против магии»/«свинец и магия», и «научная фантастика с элементами фэнтези и альтернативной истории», и просто «фантастический боевик». Все потому, что внутрижанровая типология фантастики разработана еще недостаточно, поскольку литература крылатой мечты очень динамична и продолжает развиваться, не стоя на месте. Думается, что правы те, кто говорит о жанро-

вой эклектике «Плацдарма», по форме являющегося романом-эпопеей в нескольких томах, в котором соединены элементы НФ, фэнтези и АИ.

Все начинается с секретных экспериментов советских ученых, якобы проводившихся в конце 70-х – начале 80-х годов XX века. Целью этих исследований является временной скачок из настоящего в прошлое, чтобы там создать плацдарм для более успешного построения социализма и коммунизма, дав будущей Стране Советов несколько десятилетий форы. Здесь явная криптоистория, хотя ничего невероятного в подобном предположении нет. Известно, что в СССР действительно велись опыты по созданию «машины времени», благо научный и технический потенциал государства позволял заниматься и не такими проектами (чего стоит один грандиозный план переброски сибирских рек). В «Плацдарме» описываются приблизительно 1983 – 1984 годы. Упоминается о войне в Афганистане, откуда в спешном порядке было переброшено несколько воинских частей и техника сначала в Таджикистан, а оттуда на неожиданно открытую планету Аргуэрлайл. Вскользь затрагивается инцидент со сбитым южнокорейским «боингом». События «Гарнизона» относятся к началу перестройки, 1985 – 1987 годам. Это понятно в связи с обсуждением на Старом Арбате письма Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», упоминанием о начале борьбы с пьянством и планах вырубки крымских виноградников. Более сложна пространственно-временная организация «Контрудара». Действие вроде происходит в 1986 году, о чем можно судить по операции по предотвращению взрыва на Чернобыльской АЭС. И в то же время есть экскурсы в прошлое и скачки в будущее (упоминание о Чеченской кампании). Здесь уже типичная альтернативная история (поскольку Ельцин был уstraнен от участия в дальнейших событиях и т. п.).

Автору удалось убедительно передать местный колорит эпохи, связанный прежде всего с бытом военных. Вероятно, многое из описанного основано на личном опыте писателя. Например, уморительная сценка политзанятий с представителями коренного населения, несомненно, является беззлобным шаржем на аналогичные мероприятия, регулярно проводившиеся в Советской армии. Кроме того, в специальных исторических отступлениях мы знакомимся с тем, что происходило в это время на Земле, чем жили простые советские люди и их руководители.

Эти последние также появляются на страницах трилогии. Хоть и не названные напрямую по фамилиям, они тем не менее легко узнаваемы, поскольку сообщаются их имена и отчества, даются портретные и психологические характеристики. Так, среди персонажей цикла встречаются Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, М. С. Горбачев, В. М. Чебриков, Е. К. Лигачев и другие. Автор пытается быть объек-

тивным, описывая этих реальных деятелей истории, опираясь на документы, факты, биографические данные, воспоминания и свидетельства современников. Он обходится и без очернительства, и без чрезмерных восхвалений. С легкой иронией говорит об архитекторе перестройки, с сочувствием об умирающем генсеке и престарелом министре обороны. Они показаны «домашним образом», как обыкновенные люди, подверженные слабостям, недугам и страстям. Каждый из советской верхушки обладает индивидуальными чертами, и в то же время их объединяет одно – равнодушие к судьбам простых «винтиков» истории. Если это необходимо для какой-то «высшей» идеи, они готовы без малейших колебаний пожертвовать жизнями многих тысяч людей.

Но в том-то и дело, что «винтики» не хотят быть простым пушечным мясом. Они уже достаточно натерпелись за семь десятилетий советской власти. Прошло время бояться, приходят новые времена, что чувствуется в романах цикла. Начнем с того, что в условиях иномирья оказались не какие-нибудь желторотые необстрелянные воробышки-новобранцы, а бойцы, которым уже довелось понюхать пороху в Афганистане. Это солдаты с уже совсем другим мировидением и мировосприятием. Их не так легко запугать, сделать бессловесным стадом. Они учились выживать в трудных обстоятельствах. Потому и вполне обычным становятся не совсем уставные взаимоотношения между рядовыми воинами и младшими и старшими командирами. Ведь это боевое братство, скрепленное свинцом и кровью. Тут не до условностей и формальностей, когда над головой висит постоянная угроза.

В «Плацдарме» показаны полномасштабные военные действия, содержанием и размахом напоминающие как уже далекую, но не отблевшую и не забывшуюся Афганскую кампанию, так и более близкие к нам локальные войны. Неслучайно для изображения этих событий автор избирает рваную, мозаичную композицию, показывая не одного-двух героев, а несколько десятков персонажей, в которых трудно угадать основных действующих лиц. Действие переносится то в одно, то в другое место, расширяя панораму до почти планетарного масштаба. Подобный прием, например, использовался А. И. Солженицыным в эпопее «Красное колесо». Влияние ее чувствуется, когда читаешь «Плацдарм».

Столкновение технологической цивилизации и культуры, основанной на существовании сверхъестественного, прежде всего магии, описано с большой долей достоверности. Понятно, что советскому человеку, воспитанному в духе атеизма, преклонения перед достижениями науки и техники, сложно поначалу понять и принять новые правила игры (или войны). Но постепенно он привыкает и к этому, пытается не переделать новооткрытый мир под себя, по своему вкусу, а при-

способиться к необычным условиям существования, выжить в них. Особенно актуально это становится после того, как из-за угрозы схлопывания портала большая часть советских войск была эвакуирована на Землю, а на Аргуэрлайле остались брошенными те, кто оказался уж слишком «задет» непривычной атмосферой вреземелья.

Вторая и третья книга посвящены именно им, советским солдатам, «винтикам», преданным и брошенным руководством на чужой планете. Поначалу они в растерянности, почти в прострации. Многие кончают жизнь самоубийством. Однако инстинкт выживания оказывается сильнее. Им приказано выжить. Выжить во имя будущего своих новообразованных семей, готовящихся появиться на свет детей, во имя светлой мечты когда-нибудь вновь оказаться на Родине. И они начинают борьбу за выживание. Именно борьбу, потому как чему-чему, а уж бороться советских людей учили с детства, начиная с октябрьско-пионерского возраста.

Поначалу жители Октябрьска (название весьма символично) пытаются устроить все «как дома». Созывают съезд солдатских, крестьянских и рабочих депутатов, подумывая о создании таких привычных органов, как Верховный Совет, Кабинет Министров и, разумеется, Центральный Комитет партии. Но потом здравый смысл побеждает. Зачем на новом месте повторять старые ошибки? И вообще, кому нужна вся эта идеологическая чепуха? Поэтому проблема государственного строительства решается очень быстро и радикально. Элементы советской системы органично дополняются местными компонентами, довольно мирно притираясь и уживаясь. Более насущными становятся вопросы хозяйствования. Нужно налаживать промышленность, в первую очередь заботясь о поддержании в должном состоянии вооружения, заниматься проблемами сельского хозяйства, здравоохранения, культуры (как же без нее самому читающему народу в мире?). Проблемы противостояния землян и коренного населения сначала затухают. Хотя руководство Октябрьска вполне в советском духе готово оказать «интернациональную помощь» соседям, едва не лишившись при этом вооруженных сил.

Уже во второй половине «Гарнизона» начинает звучать грозная нота. С одной стороны, в степи появляется претендент на мировое господство, очередной кандидат в Потрясатели Вселенной, которыми столь богата земная история. С другой — возникает угроза пробуждения неких темных сверхъестественных сил, природа которых не поддается рациональному объяснению. Снова сталкиваются технология и магия. И вновь возникает вопрос: можно ли поставить магию на службу технологической цивилизации? Что нас ждет в таком случае?

Ответы частично даются в «Контрударе». Наряду с исполненным драматизма повествованием о противоборстве жителей Октябрьска с ханом Ундораргиром рассказывается о том, что происходит на Земле,

куда вместе с советскими войсками были эвакуированы и сильнейшие аргуэрлайлские маги. Описывается история особого подразделения КГБ «Прометей», использующего в своей деятельности спецтехнику и магию. Благодаря усилиям магов и предсказателей удастся предотвратить ряд военных конфликтов и катастроф, в частности аварию на Чернобыльской АЭС. История Земли становится альтернативной. Смогут ли выжившие на чужой планете советские люди вернуться в эту новую, тоже уже чужую для себя реальность или «шестнадцатая республика» СССР не устоит под натиском кочевых орд? Удастся ли предотвратить беду, угрожающую двум таким разным и одновременно столь похожим друг на друга мирам? Ответы на эти вопросы надеемся получить в следующих книгах цикла.

Юрий ГАРАЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛАЦДАРМ	7
ГАРНИЗОН.	307
КОНТРУДАР.	549
Приложение	
Некоторые понятия и реалии мира Аргуэрлайл	784
Оружие, упомянутое в книге	787
<i>Юрий Гарай. Приказано выжить. О трилогии</i>	
<i>Игоря Недозора «Плацдарм»</i>	<i>789</i>